

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ШПИОНКА,
ПРИШЕДШАЯ
С СЕВЕРА

ОНИ РАСПЯТЫ ЗА ТО, ЧТО СДЕЛАЛИ КОГДА-ТО, РАНО ИЛИ ПОЗДНО...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Шпионка, пришедшая с севера

«ЭКСМО»

2004

Леонтьев А. В.

Шпионка, пришедшая с севера / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2004

Еще никогда и никому не удавалось бежать из этой тюрьмы. Никому... кроме Тани Полесской!.. Юная русская студентка приезжает навестить своего отца – посла в крохотном княжестве Бертранском. В результате шпионских игр русских и американских секретных агентов у Тани в багаже оказывается микрочип с необычайно важной информацией. Так ни в чем не повинная девушка получает тридцать лет тюрьмы! Что делать? Смириться с несправедливостью и провести лучшие годы в неволе? Конечно, нет – поэтому на подготовку побега уходят все мысли и силы. Пока все против узницы: высокие стены тюрьмы, бдительные сторожи. Но судьба приберегла Тане и подарок – перед смертью старая Луиза Монтичелли сообщила ей, где спрятаны драгоценности ее семьи, добравшись до которых Таня станет сказочно богата... И вот она на свободе. Теперь у Тани новое имя и новая жизнь, подчиненная одной цели – отомстить всем тем, кто упрятал ее за решетку.

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Антон Леонтьев

Шпионка, пришедшая с севера

* * *

Самолет плавно пошел на снижение. Двигатели работали мерно, рокочущий шум был практически незаметен. Таня вжалась в сиденье и закрыла глаза. Все как в сказке! Еще несколько минут, и она окажется в Италии, в Генуе!

А еще она наконец-то увидит отца.

– Не егози, – раздался повелительный голос.

Таня нехотя обернулась. На соседнем сиденье, элегантно закинув ногу на ногу, в изумрудно-зеленом стильном костюме от лучшего московского портного, расположилась ее мачеха Алла. Тане не нравилось, что полтора года назад отец снова женился. Ее родная мать скончалась от рака, когда Тане минуло четыре. С тех пор прошло почти пятнадцать лет.

Алла прищурила фиалковые глаза, поправила, как всегда, безукоризненную прическу (в этом месяце она была платиновой блондинкой – она прочитала, что в Европе это самый писк) и закурила тонкую сигарету с ментолом. Таня закашлялась. Алла прекрасно знала, что она не выносит табачного дыма, однако нарочно курила, чтобы лишний раз доказать падчерице: главная в семье – она!

– И не плачь, когда увидишь отца, – назидательным тоном произнесла Алла. – Запомни, ты дочь посла. Надеюсь, тебе это ясно?

Таня ничего не ответила. Алла намеренно обращалась с ней, как с ребенком, хотя Таня училась на втором курсе Института международных отношений. Она прекрасно знала, что ее отец, Виктор Викторович Полесский, уже пять месяцев посол Советского Союза в Великом княжестве Бертранском – крошечной монархии, расположенной на Лазурном берегу по соседству с Италией, Францией и Монако.

Отца Таня обожала. Высокий, импозантный, с ранней сединой, он представлял страну за рубежом на самом высшем уровне. В Москве он появлялся нечасто. В отличие от большинства дипломатических работников Виктор Викторович предпочел, чтобы его единственная дочь и молодая жена оставались в Москве. Алла, которой очень хотелось блистать в европейском обществе, была крайне недовольна решением супруга. Она воображала себя на огромной цветной фотографии, в шикарном платье, в бриллиантовом колье – крайне буржуазно, но именно это в полной степени соответствовало ее мечтам о настоящей жизни.

Когда ее мужу предложили столь заманчивую должность, Алла была на седьмом небе от счастья. Собственно, она и вышла замуж за Виктора по расчету. Она до сих пор не знала, понял ли это или нет. Алла, обладавшая изящной фигурой, огромными фиалковыми глазами и завистливой душой, понимала, что с девятью классами образования она вряд ли преуспеет в жизни. Два неудачных замужества, двухкомнатная квартира в Москве, потрепанный автомобиль – вот и все, что у нее было. И, слава богу, никаких детей.

Поэтому Виктора Полесского, пятидесятитрехлетнего вдовца с взрослой дочерью, она сочла лакомым кусочком. Немного флирта, глупых улыбок, искусства в постели – и дипломат сделал ей предложение. Алла сразу же прибрала к рукам многочисленные драгоценности, которые остались после первой жены Виктора. Вторым ее шагом было вытравливание из памяти супруга воспоминаний о матери Тани. Под видом обновления дизайна огромной квартиры Алла убрала в чулан все фотографии его первой жены.

Она знала, как подчинить своей воле мужчину. Виктор не оказался исключением. Всего через пару месяцев после заключения брака он стал мягче воска в ее руках. Наконец-то Аллочка смогла получить все, о чем мечтала.

Эксклюзивные портные, элитные косметички, бассейн, солярий, продукты, личный водитель... Всего и перечислить было нельзя. Алла быстро забыла о том, что совсем недавно радовалась, когда получила после развода чешскую люстру и финский сервант. Нет, прошлое навсегда сгнуло, теперь она – Алла Полесская, супруга советского дипломата.

И вот – ее муж стал послом. Разумеется, честолюбивая Алла предпочла бы США, Францию или, на худой конец, Данию, но Великое княжество Бертранское – от одного названия по телу пробегают мурашки. Алла едва отыскала его на карте – крошечное государство, которое тем не менее было важным стратегическим пунктом в Южной Европе. Рядом располагались военно-воздушные базы Америки, а в самом Бертроне находилась резидентура ЦРУ.

В двадцать девять лет оказаться за границей, да еще в ранге жены Чрезвычайного и Полномочного Посла, от этого у многих могла бы закружиться голова, но только не у Аллы. Никаких глупостей, все ее похождения и авантюры остались в далеком прошлом.

Единственное, что раздражало Аллу, так это дочка Виктора. Татьяна была моложе ее на десять лет. Алла терпеть не могла рядом с собой хорошеньких женщин. А она видела, что пройдет еще пара лет – и Таня станет настоящей красавицей. Тонкая бледная кожа, глаза цвета миндаля, идеальные зубы, темные выющиеся волосы. Девчонка явно пошла в мать. Что ни говори, а вкус у Виктора был отменным, он разбирался в женской красоте. Но вовсе не в характерах.

Полесский обожал дочь, однако Алла исподтишка, намеками противодействовала этой любви. Он должен понять, что в его жизни есть всего одна женщина – она сама. И ей это удалось. Виктор все реже вспоминал о Тане, передавал ей приветы, которые Алла, конечно же, пропускала мимо ушей. Девушка училась в МГИМО, и именно этот факт позволил Алле убедить мужа – Таня должна остаться в Москве, на попечении сестры Виктора, старой девы.

– Милый, нельзя же срывать девочку с места только по прихоти, – сладким голосом ворковала Алла, обнимая мужа. Он чувствовал возбуждающее тепло ее тела, облаченное в один прозрачный пеньюар. – Если она отправится в Бертран, то не сможет продолжить образование. В конце концов, она уже взрослая, у нее есть поклонники.

– В самом деле? – Брови Виктора Викторovichа взлетели вверх. – Ты мне ничего не говорила.

– Милый, я же не могу раскрывать тебе маленькие секреты, которыми делится со мной твоя дочь, – врала, не краснея, Алла. На самом деле они с Таней в течение двух предыдущих недель едва ли обмолвились двумя десятками ничего не значащих фраз. – У нее есть молодой человек из очень приличной семьи. Пока что ничего серьезного, глупостей я не допущу. Но разлука с ним может плохо сказаться на Танечке.

– Ты, как всегда, права, – Полесский чмокнул супругу в плечо. – Таня останется в Москве.

Алла потянулась, как кошка, вылакавшая целую кринку молока. Она добилась своего. Девчонка останется в Москве, в нескольких тысячах километров от Бертрона, и не будет путаться под ногами. И ничто не помешает Алле покрепче привязать к себе Виктора и вообще на полную катушку наслаждаться жизнью на средиземноморском курорте.

– Нас будут встречать, – сказала Алла. – Ты должна вести себя соответствующе. Поняла?

Таня снова ничего не ответила. У нее был краткий разговор с отцом по телефону. Он сказал, что принял решение: Алла придет к нему в Бертран, а ей придется остаться в Москве и продолжить учебу. Ее поразил сухой и безразличный тон отца. Она попыталась возразить, но ничего не помогло.

Итак, всего месяц. Она сможет пробыть месяц в Бертроне, а потом, к сентябрю, придется вернуться в Москву. Всего месяц – или целый месяц? Тридцать дней в ее полном распоряжении. Таня понимала, что без Аллы не обошлось, однако она видела, как счастлив отец. Она

не собирается мешать ему. Он и так слишком долго был в трауре по умершей пятнадцать лет назад жене.

Сначала по-русски, а затем на ломаном английском объявили, что самолет совершает посадку в аэропорту Генуи. Еще несколько минут – и они оказались на итальянской земле.

Алла как супруга посла находилась в привилегированном положении. В темных очках и с надменной холодной улыбкой она смотрелась великолепно. Не оборачиваясь, она поднялась и первой прошла к трапу. Таня проследовала за ней.

Их действительно ждали. Темный лимузин с дипломатическими номерами. Предупредительный молодой человек сразу бросился к Алле с небольшой прозрачной коробочкой, в которой находились изумительные орхидеи тигровой раскраски.

– Алла Сергеевна, – произнес он, – с прибытием вас. Небольшой подарок от Виктора Викторовича.

– Какая прелесть, – сказала Алла. – Благодарю вас.

– Прошу вас, – молодой человек показал на лимузин. – Меня зовут Игорь, я помощник вашего мужа. К сожалению, сам Виктор Викторович не смог прибыть, ему назначена аудиенция у великого князя Клода-Ноэля.

– Разумеется, – проговорила Алла. – Для моего мужа работа прежде всего. Он представляет за рубежом нашу Родину.

Таня усмехнулась. Алла крайне критически относилась к советскому образу жизни, не стесняясь в выражениях, костерила совковый уклад, но соблюдала осторожность: всего одно неосторожное высказывание, услышанное не тем человеком, – и карьера ее мужа могла полететь под откос. Но Тани Алла не стеснялась.

– А вы Татьяна Викторовна? – Игорь с улыбкой посмотрел на Таню.

Таня смутилась. Она знала, что нравится молодым людям, но пока что все ограничивалось комплиментами и невинными поцелуями.

– Ах да, это моя падчерица, – Алла изящно махнула обтянутой перчаткой рукой. – Игорь, – капризно произнесла она, – нам пора.

Игорь пристально посмотрел на Таню, девушка вспыхнула. Как же она мечтала о настоящей любви. И вот – он, воплощение ее мечтаний. Сильный, красивый, уверенный в себе. Как и ее отец.

– Прошу вас, – Игорь предупредительно распахнул перед Таней дверцу лимузина.

Таня впервые оказалась внутри огромной машины. Там был бар (Алла сразу же потянулась к пузатой коньячной бутылке), цветной телевизор, который показывал итальянскую новостную программу, мягчайшие кожаные сиденья и кондиционер, создававший приятную прохладу.

– Необходимо соблюсти кое-какие таможенные формальности, – сказал Игорь. – У нас дипломатическая неприкосновенность, однако это не избавляет нас от бюрократической волокиты.

– Мой багаж, – заволновалась Алла. Она привезла с собой только половину гардероба, который едва уместился в двенадцати огромных клетчатых чемоданах. – Игорь, вы о нем позаботитесь?

– Конечно же, Алла Сергеевна, – ответил Игорь. – Вам не нужно беспокоиться, к русским в Италии относятся с симпатией, страна во многом социалистическая.

Необходимые процедуры заняли не более полчаса, в течение которых Алла лениво потягивала коньяк и перешелкивала с канала на канал. Игорь наконец вернулся.

– Все в полном порядке, – произнес он. – Мы можем ехать. Ваши чемоданы в посольской машине, она последует за нами. Я уже поставил Виктора Викторовича в известность, что вы прибыли.

Путешествие началось. Таня, раскрыв глаза, наблюдала за тем, что происходит на улицах Генуи. Она все-таки дочь дипломата и имела представление о том, что такое жизнь за рубежом, но одно дело слышать рассказы или смотреть видеокассеты, и совсем другое – рассматривать все собственными глазами. Ее поразили пестрые и демократичные одежды. Кто в шортах, наперевес с фотоаппаратами, кто в потертых джинсах и майках.

– Генуя – город туристов, – пояснил Игорь. – Именно поэтому здесь так много воров. Так что будьте внимательны, молодчики на мотоциклах срывают сумочки у хорошо одетых туристок вмиг, а полиция не занимается такими делами.

– Почему? – спросила Таня.

– Или не желает портить отчетность, или состоит в доле с воришками, – ответил Игорь и снова улыбнулся ей. Сердце у Тани замерло. Неужели она ему понравилась?

Лимузин с дипломатическими номерами мчался по улицам и скоро оказался на трассе, которая змеей вилась по гористой местности. Бертран располагался в нескольких часах пути. Алла достала перламутровый веер и стала обмахиваться.

– Мы подъезжаем, – произнес наконец Игорь. – Извините, что пришлось долго ехать, но в Бертроне нет собственного аэропорта, только причалы для яхт. Впрочем, вы и сами увидите.

С горного серпантина открылся великолепный вид на крошечное княжество. Оно напоминало подкову: бухта врезалась прямо в берег, а шикарные виллы и светящиеся небоскребы тянулись тонкой полоской вдоль моря.

– Какая красота, – пробормотала Алла. Все сомнения отпали: Бертран именно то место, где она хочет жить. Конечно, здесь всего две тысячи жителей, да и территория государства смешная, то ли семь, то ли десять квадратных километров, но рукой подать до Ниццы, можно и в Париж слетать.

Таню очаровал вид заходящего солнца. Лучи прорезали в облаках, похожих на замки, розовые бойницы. Море казалось темно-синим, практически черным. Неужели в ее распоряжении всего месяц, и потом она покинет это великолепие на целый год?

Москва казалась такой далекой. У Тани защемило сердце. Она расстанется с отцом. И с Игорем. Она быстро посмотрела на молодого человека. Он – как назло! – внимательно следил за ней в автомобильное зеркало. Их взгляды встретились. Таня снова покраснела. Боже мой, нечего вести себя, как девчонка.

– Советское посольство расположено в крошечном замке, раньше там проживала вдовствующая великая княгиня Эдвардина, супруга Филиппа Первого, который правил в девятнадцатом веке, – пояснял Игорь.

– А часто ли устраивают приемы во дворце? – поинтересовалась Алла. Узнав, что Бертран – это монархия, она захватила с собой около десятка вечерних туалетов. Никто не посмеет сказать, что у жены русского посла плохой вкус. Она всех затмит своим великолепием.

– Примерно раз в месяц, – ответил Игорь. – Нынешний великий князь, Клод-Ноэль, вступил на трон всего несколько лет назад. Его отец, Виктор-Иоанн IV, был крайне популярен. Молодой князь пока что предается развеселой жизни, тратит деньги.

– А великая княгиня? – задала вопрос Таня. Ее не занимали великосветские новости, но ей хотелось до смерти, чтобы Игорь обращался именно к ней.

– Клод-Ноэль не женат, и это основная проблема всей страны, – ответил Игорь. – Если у династии Гримбургов, которая правит в Бертроне, не будет наследников, то возникнет политическая коллизия. Однако ходят слухи, что он приглядел себе какую-то немецкую герцогиню. Впрочем, такие слухи возникают каждые полгода.

Таню поразили шикарные виллы, которые больше походили на декорации к сказкам: белоснежные башенки, лепнина, мраморные лестницы, ведущие к бассейну.

– Кому все это принадлежит? – спросила она.

Игорь охотно пояснил:

– Как нас учили в школе, а затем в университете, капиталистам, эксплуататорам рабочего класса. А если серьезно, то взгляните направо, видите домик со стеклянным куполом вместо крыши?

Домик оказался расположенной на трех ярусах виллой с великолепным садом, вертолетной площадкой, двумя бассейнами и полем для гольфа.

– Говорят, но только говорят, что он принадлежит Элизабет Тэйлор. А соседний, опять же по слухам, – выгодное капиталовложение одного южноамериканского диктатора. Прелесть Бертрана в том, что в этом карликовом государстве и налоги карликовые. А те, кто кладет в банк деньги, вообще их не платит. За счет этого страна и добывает себе кусок хлеба с маслом.

– И с толстым слоем черной икры, – съязвила Алла.

В ее голосе была заметна неприкрытая зависть. Еще бы, шикарные виллы, жизнь, ради которой она готова продать душу Люциферу и Дракуле, и всего в нескольких метрах – но под присмотром видеокамер, тренированных охранников. Не ее жизнь. Чужая.

– Мы практически на месте, – произнес Игорь.

Машина, проехав еще несколько метров, плавно притормозила. Они оказались около крошечного замка из темно-красного гранита. Стальная решетка, преграждающая путь, отошла в сторону. Они въехали на территорию советского посольства, о чем горделиво извещала натертая до нестерпимого блеска золоченая табличка.

Таня в сгущающейся тьме заметила отца. Но Алла опередила его. Она первой подлетела к Виктору Викторовичу, подставила щеку для поцелуя и сразу же стала жаловаться на невыносимо долгий перелет, длинный путь из Неаполя в Бертран, жару...

– Дочка, как же я рад тебя видеть, – произнес Виктор Викторович, не слушая залиvistые речи жены.

Алла, закусив губу, с ненавистью посмотрела на падчерицу. Вся работа насмарку. Стоило Виктору увидеть дочку, как он забыл обо всем. Ну ничего, она постарается убедить мужа, что девчонке нужно как можно быстрее вернуться в Москву и готовиться к новому учебному году.

– Папа! – Таня бросилась к отцу и повисла у него на шее. Она так мечтала об этой встрече. – Как же мне тебя не хватало, папа!

– Я знаю, дочка, – он нежно поцеловал Таню. – Ну, как дела, все в порядке? Ладите с Аллочкой?

Таня на секунду задумалась – стоит ли рассказывать отцу, что с Аллой они иногда не разговаривают неделями, сталкиваются только в прихожей и на кухне, что Алла пропадает вечерами, возвращается поздно, что разговаривает с непонятными мужчинами и тратит деньги направо и налево, приобретая чуть ли не каждый день новую вещь, которую, надев единственный раз, отбрасывает прочь.

Но зачем отцу все это знать? Он ведь счастлив с Аллой, хотя она явно не его тип. Пусть сами разбираются. Отец ей не поверит, Алла обладает изумительным даром все извратить и представить в выгодном ей свете. Виновной окажется Таня. В любом случае отцу нельзя разводиться, на его вторую женитьбу и так смотрели косо, хотя первая супруга умерла много лет назад. Его новая жена оказалась почти на двадцать пять лет моложе – и это советский дипломат! Возможно, именно поэтому Полесский, весьма способный дипломат, получил ранг посла в крошечном Бертрane.

– Конечно, папочка, – ответила Таня и поцеловала отца. – Мы с Аллой лучшие подружки.

– Вот и хорошо, – вздохнул Виктор Викторович. – Мне так нужно, чтобы в семье царил мир. Но ты молодец, дочка, я тобой горжусь.

Он снова повернулся к Аллочке. Подошла вторая машина с многочисленными чемоданами.

– Пройдемте внутрь, – сказал Виктор Викторович. – А то нас могут подслушать!

– А разве могут? – спросила Таня у Игоря.

Молодой человек пояснил ей:

– В принципе не открою государственной тайны, если скажу: шпионаж – это одна из задач дипломатии. Бертран – средоточие интересов многих стран. Недалеко от княжества расположены базы США, в княжестве Бертранском полно финансовых секретов всего западного мира, здесь заключаются тайные сделки и соглашения, от которых подчас зависят судьбы миллионов людей и многих государств.

– А мой отец... – Таня замялась. – Он что, тоже этим занимается?

Игорь расхохотался:

– Таня, ты ведь позволишь себя так называть, ты просто великолепна! Устами младенца глаголет истина.

Таня немного обиделась. Игорь, хоть ненамного ее старше, может быть, лет на семь, снова напоминает ей о том, что она ребенок. Но ей девятнадцать, какой же она ребенок.

– О таких вещах лучше всего говорить в «аквариуме». Знаешь, что это такое? – сказал Игорь.

– Он из стекла, там живут рыбки, – осторожно ответила Таня.

Игорь снова расхохотался. Алла даже обернулась и внимательно посмотрела на него.

– Ну да, ты ведь не знакома с реалиями жизни в посольстве, – сказал Игорь. – Аквариум – так мы на сленге называем комнату, изнутри обшитую специальными панелями, которые делают невозможным прослушивание. Там и ведутся конфиденциальные разговоры.

– А что, нас сейчас подслушивают? – Таня затаила дыхание. Она специализировалась на Северной Европе и Скандинавии, однако такие тонкости в институте не преподавали.

– Не исключено. – Тон Игоря стал серьезным. – Этого никто не знает, Таня. Возможно, наш разговор сейчас слушают любопытные господа из ЦРУ или «Моссада». Впрочем, такова жизнь.

Посольство походило на отель – каждый выполнял отведенную ему функцию. Как узнала Таня, вся прислуга, даже садовник и горничные, отбиралась Комитетом государственной безопасности.

Тем же вечером Виктор Викторович представил свою жену и дочь. Таня не запомнила всех, оказалось, что в посольстве около тридцати человек. Неужели Игорь прав, и помимо всего прочего ее отец занимается также шпионской деятельностью? Таня сразу вспомнила фильмы, в которых шпионами оказывались иностранцы, а советские граждане, похищающие секреты за рубежом на благо Родины, именовались разведчиками.

Тане отвели собственную комнату, весьма милую, с окнами, выходившими в сад. По утрам девушка могла наблюдать за тем, как трудолюбивый садовник возился с клумбами, на которых пылали алые звезды из цветов.

В посольстве стало скучно через два дня. Имелась масса запретов: нельзя громко говорить, нельзя покидать территорию, нельзя мешать важной работе, даже с отцом поговорить нельзя. Таня пыталась попасть к нему, однако каждый раз у двери кабинета ее встречала Алла.

– Таня, тебе нельзя, Виктор Викторович занят, – говорила она.

Таня пыталась позвонить ему по внутреннему телефону – постоянно занято. Отца она видела по вечерам, и то мельком.

– Ну как, дочка, нравится? – спрашивал он ее и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Я знал, что тебе понравится, поэтому и пригласил тебя в Бертран.

– Папа, здесь несколько... несколько... однообразно, – попыталась подобрать нужное слово Таня. Не могла же она сказать, что ей до ужаса надоело торчать в комнате, перечитывать бертранские газеты, в который раз обсуждавшие тему, кто станет новой подружкой великого князя Клода-Ноэля, наблюдать за тем, как садовник миллиметр за миллиметром подстригает кустарники.

И так – каждый день? Не может быть! Возможно, ее представления о жизни дипломатов были несколько преувеличенными, если не сказать превратными, но постоянно жить в замкнутом мире...

Выбираться в Бертран было категорически запрещено, однако на выходных Виктор Викторович взялся сам показать жене и дочери княжество. Аллу более всего интересовали виллы знаменитостей, причал, около которого колыхались белоснежные катера и яхты, рестораны и магазины. К великому счастью, по причине уик-энда все магазины были закрыты, по московскому опыту Таня знала – мачеха могла перебирать и примерять вещи день напролет.

– Великолепный дворец, – вздохнула Алла, когда они оказались около пышного здания в стиле рококо, где обитало великокняжеское семейство. Гвардейцы в пестром одеянии, похожие на игрушечных солдатиков, стояли по стойке «смирно» около черных ворот с позолоченным верхом, которые ограждали венценосных особ от всех остальных.

В ее голосе сквозило такое неподдельное отчаяние, что Виктор Викторович саркастически произнес:

– Дорогая, поверь мне, княжеский титул не так уж много дает. Гримбурги на пороге разорения, и если их не спасет чудо, ну, например, Клод-Ноэль не женится на богатой американке, как это в свое время сделал монахский принц, то через пару-тройку лет Бертран окажется в финансовой зависимости от США, Франции и Швейцарии.

– И все же, Витя, – сказала Аллочка, – какое чудо. Когда состоится прием во дворце?

– Через две недели, – ответил Виктор Викторович. – По случаю дня рождения вдовствующей княгини Беатриссы.

Таня не понимала всей суеты вокруг княжеской семьи. Намного интереснее для нее было тайком выбраться в город и поглазеть на роскошные казино, магазины и просто познакомиться с чужой жизнью.

Зато Алла в полной мере наслаждалась новой ролью. В ее голосе прорезались командные нотки, она уже отдавала приказания прислуге в посольстве. И кто посмеет возразить – она, Алла Полесская, жена Чрезвычайного и Полномочного посла!

– Посмотрите, как вы пропылесосили ковер, вся пыль в углах осталась! – отчитывала она горничных. – И почему кровати заправлены не так, как нужно? Что такое, как ни зайдё к вам в комнату, вы все время пьете чай и сплетничаете.

Таня скоро поняла, что к ее мачехе относятся с тщательно скрываемой ненавистью. Таня познакомилась с Людмилой, милой переводчицей, которая была всего на несколько лет старше девушки. С ней можно было поговорить по душам, все другие в посольстве были значительно старше.

– Как же я тебе завидую, – призналась как-то Людмила Тане.

Они были в парке, раскинувшись около княжеского дворца. Рядом сновали туристы, немногочисленные жители Бертрана – в основном пожилые пары, одетые со старомодной изысканностью, – неспешно прогуливались по песчаным дорожкам, которые вились мимо цветов, фонтанов и деревьев.

– Почему? – искренне удивилась Таня.

– Как ты не понимаешь, – ответила Людмила. – У тебя все есть – высокопоставленный отец, учеба в самом престижном вузе, блестящие перспективы.

Впервые Таня заметила, что Людмила, которую она уже считала подругой, завидует ей.

– Отца я вижу крайне редко, – ответила она. – Едва ли раз в полгода. Моя мачеха, сама понимаешь, не подарок. Да, у нас все есть, и мне известно, что подавляющее большинство жителей нашей страны стоят в очередях и никогда не могут оказаться за границей.

– Ты права, – сказала Люда.

Они прошли мимо симпатичного, похожего на итальянца или испанца молодого человека, который вдруг подмигнул Тане.

– Ты видела? – прошептала Таня. – Он мне подмигнул.

– Привыкай к этому, – сказала Люда. – Ты умеешь нравиться, у тебя это в крови. Мне, увы, такое недоступно.

Таня знала историю Людмилы. Она приехала в Москву из небольшого городка в Сибири с желанием покорить столицу. Ее знаний (или связей) для поступления в институт на отделение иностранных языков не хватило. Однако через два года Людмила была студенткой. Что произошло за это время, она не говорила, однако Таня, несмотря на свою неопытность, не была наивной простушкой – наверняка Людмиле пришлось пойти на очередную сделку с совестью и моралью. Таня знала многих девушек, которые ради того, чтобы получить желанное место в московском вузе, соглашались стать любовницами высокопоставленных и могущественных людей.

Они еще немного побродили по парку. Таня наслаждалась жизнью. Пусть и несколько однообразной, пусть и в окружении людей, которые не понимают ее.

Ее мысли занимал Игорь. Несколько раз во время разговора с ним Тане казалось, что молодой человек хочет ей что-то сказать, но не решается. Неужели она ему нравится?

Татьяна столько раз рассматривала себя в зеркале. Она так похожа на покойную мать, которая в свое время считалась одной из самых красивых женщин столицы. Нет, определенно у нее есть все основания рассчитывать на благосклонность Игоря.

Следующая неделя была посвящена подготовке приема во дворце великого князя Клода-Ноэля. Алла буквально достала всех постоянными придирками и претензиями. Виктор Викторович, обычно спокойно относившийся к капризам жены, на этот раз не выдержал:

– Алла, почему ты считаешь, что я должен заказывать тебе платье в Париже? У тебя и так полно тряпок. Чемоданы не помещаются в твоей комнате, а ты требуешь от меня платье от кутюр.

– Я хочу выглядеть на уровне, – заявляла Алла. – Виктор, ведь ты не можешь пренебрегать престижем страны. Что подумают, если я буду плохо выглядеть? Нас просто засмеют.

Таня при всей своей антипатии к мачехе не могла не признать, что та обладала отменным вкусом. Однако если учесть, какое количество денег, по большей части государственных, она тратила на одежду, косметику и парикмахера, то становилось ясно, почему Алле удается выглядеть просто потрясающе.

Накануне приема нервозность в посольстве достигла апогея. Алла, измучившая всех просьбами, приказами и наставлениями, носилась по верхнему этажу с перевязанной головой и причитала:

– У меня разыгралась мигрень, боже мой, как же я смогу завтра показаться во дворце. Я не могу заснуть, у меня будут мешки под глазами. Виктор, ну сделай что-нибудь. Где врач?

Посольский медик, добродушный, с седой бородкой, в который раз вздыхал и пытался втолковать Аллочке, что нужно немного успокоиться и дать другим возможность прийти в себя.

– Как я могу успокоиться, если она сожгла мое платье! – Алла картинным жестом указала безупречно отманикюренным пальцем на одну из горничных. – Как можно доверять таким балбескам, они ничего не умеют!

Таня не сомневалась, что горничная намеренно испортила платье мачехи, от этой мысли становилось как-то веселее.

– Я не могу, Виктор, я умираю, подайте мне чай из лекарственных трав, и поживее!

Виктор Викторович закрылся в кабинете и никак не реагировал на сумасшедшие выходки жены. Тарарам продолжался до половины четвертого, когда Алла наконец улеглась отдыхать. Посольство, похожее на растревоженный улей, постепенно приходило в себя.

Трезвон будильника заставил Таню проснуться в половине седьмого. Она уже отвыкла подниматься в такую рань. Алла, свежая, похожая на сказочную фею, умывшуюся водой из

розовых лепестков, уже крутилась перед гигантским овальным зеркалом, которое она специально выписала из Венеции – разумеется, за счет посольства.

– Скажи мне, что я великолепна, – потребовала она от мужа.

Таня с сожалением отметила, что за две недели, которые они находились в Бертроне, отец постарел на несколько лет. Ему необходимо отдохнуть от Аллы.

– Ты великолепна, моя дорогая, – произнес Виктор Викторович. – Но почему мы должны подниматься так рано, прием назначен на полдень, еще масса времени. До княжеского дворца рукой подать, всего полкилометра.

– Ты что, не могу же я, жена советского посла, идти пешком! – в ужасе воздела к небу руки Алла. – Виктор, как ты можешь. Я распорядилась подать лимузин. Так, я должна немедленно принять ванну.

Она скрылась из виду, а через несколько секунд ее недовольный, похожий на скрежет пилы голос вновь прорезал воскресную тишину:

– Боже, идиотки, кто же посмел напустить такую горячую воду в ванну? Ты что, хочешь, чтобы с меня слезла кожа? И где пена, я тебя спрашиваю, остолопка, куда подевалась пена?

Из ванной комнаты вышла растрепанная горничная, которая бросилась к послу:

– Виктор Викторович, извините, но я не в состоянии выдерживать постоянные претензии вашей супруги. Я не ее камеристка, чтобы она меня таскала за волосы. Я буду жаловаться!

Полесский, который всегда очень щепетильно относился к подобного рода делам и предпочитал делать все самостоятельно, рассыпался в извинениях.

Горничная удалилась. Алла, завернутая в бордовое полотенце, появилась в дверях, сверкая глазами, как разъяренная фурия.

– Алла, прекрати, – сказал Виктор Викторович. – Ты ведешь себя, как взбалмошная американская миллионерша. Эти люди – сотрудники посольства, они не слуги, ты это понимаешь? Они не обязаны напускать тебе ванну и носиться вокруг тебя.

– Конечно же, мой милый. – Алла превратилась в карамельку. Она обняла мужа за шею и поцеловала в ухо. Виктор Викторович зарделся.

– Ну не при посторонних же, – сказал посол, пытаясь отстранить жену.

– Извини меня, мой дорогой, – произнесла Алла. – Я вся на нервах, но ведь я стараюсь для тебя. Я не хочу, чтобы на меня указывали пальцем и говорили: вот та самая русская, у нее перхоть, растрескавшиеся губы и платье, купленное в комиссионке.

Переубедить Виктора Викторовича не составляло труда. Всего пара минут, и он согласился с женой.

– Татьяна, – недовольным голосом произнесла Алла. – Ты решила, что наденешь? Ради бога, не думай, что я позволю тебе появиться в джинсах или страшной юбочке, которую ты так любишь. Живо к себе в комнату. И хотя бы для приличия немного косметики, у тебя скверная кожа, прыщи на лбу, возьми у меня тональный крем.

Таня не на шутку обиделась. Кожа у нее вовсе не скверная, наоборот, бархатистая, и в помине нет никаких прыщей. Алле доставляло удовольствие шпынять падчерицу, особенно при отце.

– Пожалуйста, Танюша, – сказал отец и виновато улыбнулся. – Выбери что-нибудь красивое, у тебя ведь есть.

– А если нет, то ты можешь остаться дома, – предложила Аллочка. – Почитаешь, расслабишься, так ведь, Витя?

На этот раз посол проявил недюжинную выдержку:

– Алла, Татьяна должна нас сопровождать. Она моя дочь, и великий князь пригласил тебя, Таню и меня. Так что это не обсуждается.

– Как скажешь, милый, – Алла закусила губу.

Ей явно не хотелось, чтобы падчерица присутствовала на великокняжеском приеме. Таня не раз ловила себя на мысли, что ситуация в их семье чем-то напоминает сказку «Золушка»: злобная мачеха, мягкотелый отец. Однако, если посмотреть, Алла была не более чем взбалмошной и эгоистичной посредственностью, ее отец намеренно посвятил себя дипломатии, а сама Таня не чистила дни напролет картошку. Все не так уж плохо.

Таня перебирала платья, когда посольство огласил истошный вопль, похожий на крик раненого Тарзана и вой полицейской сирены. Разумеется, в который раз это была Аллочка.

– Вода в ванне ледяная! – орала госпожа посольша. – Виктор, горничная, эта мерзавка, напустила ледяную воду и специально добавила пены. Боже мой, что за издевательство надо мной!

Ее вопли перешли в рыдания, слишком громкие и оттренированные, чтобы быть подлинными.

Таня рассмеялась, представив, как мачеха со всего размаху погружается в мраморную ванну, заполненную ледяной водой. Настроение улучшилось.

Свой выбор Таня остановила на скромном черном платье. Она еще ни разу не присутствовала на подобных приемах. Когда-то ей пришлось, как и всем, кто заканчивает школу, быть на выпускном вечере. Но между выпускным вечером в элитной школе и приемом во дворце великого князя Бертранского лежала непреодолимая пропасть. Как-то в одном модном журнале Таня вычитала, что лучший способ поразить роскошью – одеться как можно более просто.

Когда Аллочка увидела Таню, то посинела от злости. Еще бы, она сама истратила на торжественный наряд огромное количество времени и еще больше денег, довела себя и окружающих до белого каления, а тут девчонка, которая ничего не смыслит в жизни, выглядит просто сногшибательно. Не может этого быть, просто не может!

Сама Аллочка облачилась в светло-голубое облегающее платье, которое выгодно подчеркивало ее совершенную фигуру. Жемчуга обвивали шею и запястья, на прическу ушло около трех часов.

– Таня, ты выглядишь супер, – сказал Игорь.

Аллочка бросила сердитый взгляд на помощника мужа. Почему никто не сделает ей комплимент?

– Дочка, ты прекрасна, – сказал Виктор Викторович.

Аллочка в сердцах швырнула расческу в зеркало.

– Нам пора, – заявила она. – Мы не можем опаздывать. Быстрее, Татьяна, ты слышишь, что я сказала?

Праздничное настроение было смазано. Неужели какая-то девчонка превзошла ее? Ну ничего, на приеме она еще покажет себя.

Лимузин, отполированный до нестерпимого блеска, ожидал их около входа. Аллочка в десятый раз прокрутила в голове фразы на французском, которые специально заучивала. У нее не было способностей к языкам, однако на приеме необходимо изъясняться или по-французски, или по-английски.

В тот день на улицах княжества было множество роскошных автомобилей. Все спешили на прием во дворец, поздравить вдовствующую княгиню с днем рождения. Советский посол преподнес роскошный герб Бертрана, выполненный из уральских самоцветов.

Дворец был украшен разноцветными флагами. Среди них особо выделялся золотой крылатый лев на алом фоне – знамя династии Гримбургов, которая уже многие сотни лет безраздельно царил в средиземноморской монархии.

Лимузин замер около огромной, в десять или даже больше пролетов, лестницы, которая взлетала к дворцу, выстроенному в прихотливом стиле конца семнадцатого века. Таня поежилась. Везде фоторепортеры, сверкают вспышки, галдят журналисты. Такое событие не останется без внимания прессы и телевидения.

– Не волнуйся, – шепнул ей отец. – Я тоже немного волновался в первый раз, когда вручал князю верительные грамоты.

Аллочка изучала свое отражение в зеркале и нашла, что выглядит безупречно. Но лиш- ний раз взглянуть на идеальную красоту не помешает.

Дверь лимузина услужливо распахнул одетый в красную с золотом ливрею дворецкий. Таня вспомнила фильмы про старину. Смешно, но в Бертрране сохранились архаичные обычаи. Она вдруг подумала, что ей нравится роскошь. Конечно, они и так жили более чем обеспе- ченно, относились к элите советского общества, но великий князь, дворец, сияние драгоцен- ностей – это нечто из иного мира.

– Не криви губы, – скомандовала, как всегда, в самый неподходящий момент Аллочка. – И держи спину прямо, ты меня поняла?

Защелкали вспышки, советскому послу, который появился в окружении двух прелестных спутниц, было уделено много внимания.

– Улыбайся, – прошипела Аллочка, лучезарно сияя. Она кокетливо помахала рукой жур- налистам, раздался гул восхищенных голосов.

– Алла, не переусердствуй, я не хочу, чтобы завтра все местные газеты вышли с твоим фото на развороте и подписью: «Жена советского посла поразила всех своей сексапильностью».

Алла вовсе не возражала против подобной публикации, но перечить мужу не решилась.

– Ты понравилась журналистам, – сказал Тане Виктор Викторович. – Я знаю эту братию. Но пойдемте, нам нельзя опаздывать.

Подкатил следующий лимузин, из которого показались новые гости, все внимание пере- ключилось на них. С бьющимся сердцем Татьяна поднималась вверх, к дворцу. На каждом пролете их встречали приветливые слуги: те, что располагались внизу, были облачены в хитоны древних греков, и с каждым пролетом эпохи сменяли одна другую – раннее Средневековье, блестящая роскошь Ренессанса, прихотливое рококо, пышный ампир.

– Князь Клод-Ноэль большой выдумщик, он обожает праздники, – пояснил Полесский. – Тратит все деньги на развлечения. Но нас это не касается.

Огромные зеркальные двери были распахнуты, и несмотря на то что часы пробили пол- день, в старинных канделябрах оплывали свечи. Таню поразила необычайная роскошь. Везде сверкало золото.

– Господин Виктор Полесский, Чрезвычайный и Полномочный посол Союза Советских Социалистических Республик в Великом княжестве Бертранском, – провозгласил двухметро- вого роста дворецкий с пышными бакенбардами и ударил жезлом о паркетный пол. – С супру- гой и дочерью.

Они вошли в зал. Таня заметила, как притихли разговоры. Их изучают, они стали объ- ектом пристального внимания. Еще бы, отношение к посланцам коммунистической державы в монархии было любезным, но более чем прохладным, если не сказать чопорным. Таня знала (она регулярно читала заметки в бертранской прессе, совершенствуя свой французский), что их считают полудикими личностями, которые не умеют есть при помощи вилки и ратуют за мировую революцию.

Оторвавшись от группы шикарно одетых гостей, к ним подошел темноволосый с заль- синами человек лет тридцати и произнес:

– Господин посол, я в восхищении. Представьте мне, прошу вас, вашу очаровательную супругу и прелестную дочь. Кто есть кто – могу ли я спросить?

Он рассмеялся, и его смех снял напряженность. Снова заиграла музыка, разговоры воз- обновились. Таня знала, что перед ними предстал сам Клод-Ноэль Первый, великий князь Бер- транский, плейбой, мот и любитель праздников. Его фото регулярно появлялись во всех миро- вых изданиях в статьях с пикантными и шокирующими подробностями.

– Ваше высочество, я польщен, – на безупречном французском ответил Виктор Полеский. – Моя супруга Алла, моя дочь Татьяна.

Алла присела в тщательно отрепетированном книксене и попыталась пробормотать несколько фраз. У нее ничего не получилось. Таня с изумлением отметила, что мачеха волнуется. Алла, снежная королева, надменная истеричка, растерялась. Впрочем, все-таки не каждый день сталкиваешься с настоящим принцем.

Клод-Ноэль внимательно выслушал нечленораздельное мычание Аллы, вежливо улыбнулся и обратился к Татьяне.

– Как вам нравится в моем княжестве? – задал он вопрос, явно не рассчитывая на ответ.

Татьяна мило улыбнулась и сказала по-английски:

– Ваше высочество, ваше княжество очаровательно, оно напоминает фарфоровую игрушку, изготовленную китайцем, – от нее нельзя отвести глаз...

– ...и она такая же хрупкая, – закончил за нее Клод-Ноэль.

Он с удивлением посмотрел на прелестную азиатку. Все русские для него были азиатами. Хотя и в жилах Гримбургов также текла частичка русской крови – одна из дочерей русского императора Николая Первого была супругой великого князя Бертранского.

– Вы просто прелестны, мадемуазель, – сказал Клод-Ноэль.

Он смотрел только на Татьяну. Алла, оправившись от первого шока, попыталась вспомнить необходимые фразы. Жалкое подобие улыбки застыло маской на ее лице. Князь беседует с Татьяной, он восхищается Татьяной – как можно стерпеть такое.

– Разрешите я представлю вас моей матушке, – сказал Клод-Ноэль, – все-таки именно она празднует сегодня свой день рождения, причем я и сам не знаю, какой именно по счету. Поверьте, господин посол, – обратился он к Виктору Полескому, – этот секрет в Бертрране охраняется еще более тщательно, чем тайны производства водородной бомбы у вас в Москве.

Великая княгиня, облаченная в персикового цвета платье, сверкала непомерными рубинами. Аллочка едва не грохнулась в обморок, когда увидела колье Беатриссы.

– О, все наши драгоценности давно заложены, а может быть, это даже и подделка, – шепнул Клод-Ноэль Татьяне. – Вы думаете, что мы обираем народ и устраиваем за его счет безумные празднества? Уверяю вас, это далеко не так. Скорее, наш народ, а также несколько миллионов богатых иностранцев всю используют тот факт, что у нас нет подоходного налога и налога на прибыль. Вот так мы и живем, ничего хорошего.

Беатрисса благосклонно отнеслась к Татьяне, они даже несколько минут побеседовали о предстоящей парусной регате, которая ежегодно проходила в бухте княжества.

– Господин посол, у вас замечательная дочь, – произнесла Беатрисса. Княгиня по-прежнему цепко держала в руках власть в княжестве, и зачастую многие решения принимались не ее сыном, номинальным главой государства, а именно ею. – Прошу вас, вы можете навещать меня в любое время.

– Вы ей определенно понравились, – произнес Клод-Ноэль. – Вы же понимаете, что моя матушка далеко не каждого приглашает к себе на утренний чай.

– Ваше высочество, – произнесла на скверном французском Аллочка, которая чувствовала себя обделенной, – сегодня солнечная погода, не так ли?

Беатрисса посмотрела на Аллу с презрением – она тренировала этот взгляд десятилетиями, – а потом проронила:

– Солнечная погода, мадам, вредна для кожи.

Ничего не понимая, Аллочка уставилась вслед Беатриссе, которая, подхватив под руку Татьяну, направилась к прибывающим гостям. Постепенно до нее стал доходить смысл произошедшего: ей дали понять, что она здесь ничто. И ее шикарный наряд, и прическа, и улыбка – все это пустое. Татьяна, маленькая мерзавка, сумела понравиться князю и его матери.

– Алла, сейчас не время для истерик, – сказал ей тихо Полесский, видя, что жена покрывается пунцовыми пятнами. Обычно за этим следовали дикий ор и ругательства. – Мы все-таки во дворце, ты не посмеешь сорвать прием.

Таня и не заметила, что мачеха едва не впала в коллапс. Она побеседовала с Клодом-Ноэлем, который показался ей милым и приятным, с его матерью, в которой чувствовалась скрытая сила. Беатрисса представила Татьяну американскому сенатору, испанскому герцогу, нескольким министрам, главе крупного немецкого химического концерна. Даже Виктор Викторович растерялся, не веря, что его дочь произвела такой фурор.

– Мадемуазель, разрешите пригласить вас на танец, – произнес Клод-Ноэль.

Татьяна возрадовалась, что когда-то посещала занятия по бальным танцам. Но неужели великий князь хочет вальсировать с ней именно здесь, в зеркальном зале бертранского дворца? Это невероятно! Она, московская студентка, оказалась среди самых богатых, родовитых и могущественных людей по обе стороны Атлантики.

Оркестр заиграл прелестный вальс, гости замерли. Таня с ужасом поняла, что они будут вальсировать в одиночестве, на виду у всех приглашенных. Клод-Ноэль танцевал великолепно, а Таня, то ли от волнения, то ли от опьянения всем происходящим, не сделала ни единой ошибки. Ей показалось, что вальс длился вечно, и в то же время он пролетел в одно мгновение.

– Спасибо вам, Таня, – прошептал Клод-Ноэль и поцеловал ей руку. – Этот вечер я никогда не забуду.

– Дочка, это было грандиозно, – сказал на обратном пути Виктор Викторович. – Пока ты танцевала, я смог тет-а-тет переговорить с некоторыми людьми об одном очень важном вопросе касательно экспорта нашего газа в Европу. Поверь мне, в том, что они дали предварительное согласие, есть и твоя заслуга.

Алла за весь вечер не проронила ни слова. С перепугу она даже отказала итальянскому графу, который пригласил ее на танец, и простояла весь вечер, словно изваяние, около окна. Как она могла проглядеть – гадкий утенок превратился в лебедя. Татьяна, которую она по привычке считала школьницей или студенткой, расцвела.

– У меня ужасно болит голова, прекращайте ваше шушуканье, – прогремыхала Алла, откинувшись на мягкое сиденье лимузина. – Поздравляю, Танечка, ты понравилась князю. Вот сделает он тебе предложение, как ты отреагируешь?

Довольная тем, что сказала колкость, Аллочка потянулась к бокалу с коньяком. На приеме она успела до дна осушить пять или шесть фужеров с шампанским, но необходимо немного взбодриться и прийти в себя после нанесенного оскорбления.

– Я соглашусь, – ответила Таня.

Алла поперхнулась коньяком и окончательно замолкла.

Следующий день принес сюрпризы. Во-первых, рано утром в посольство доставили корзину лимонно-желтых роз, которые, как гласила прилагаемая записка, предназначались мадемуазель Татьяне Полеской от его высочества великого князя Клода-Ноэля.

– Это мне! – закричала Алла и протянула руку к записке. По мере того как она читала, ее лицо вытягивалось. Затем она отбросила записку, словно ядовитого паука, и прокричала: – Господи, и даже цветы для нее!

Во-вторых, все газеты княжества вышли с фотографиями приема, который был дан накануне в честь дня рождения княгини-матери. Основное внимание уделялось вовсе не американской кинозвезде и пятой жене итальянского мультимиллионера и даже не самой имениннице, а Татьяне Полеской, «очаровательной юной грации, которая сумела доказать, что в стране коммунистов сохранилась потомственная аристократия».

– Они и не знают, что мы из крестьян, – до слез смеялся Виктор Викторович, чей дед происходил из Саратовской губернии.

Алла до боли закусила губу, когда прочитала восторженные репортажи, посвященные Татьяне. Девчонка сумела добиться того, к чему сама Алла так стремилась – пока что безрезультатно. Все прямо с ума сошли по ее падчерице. Но ведь такого не может быть! Что у нее есть? Симпатичная улыбка, быстро проходящая молодость, знание иностранных языков.

– А вот это мы принять не можем, – произнес Виктор Викторович, когда на следующее утро специальный курьер, одетый по старинной моде, доставил в посольство небольшую коробочку. На темном бархате матово переливались жемчужины в изящном колье.

Прилагаемая записка гласила, что ожерелье предназначается Татьяне – в дар от великой княгини Беатриссы.

– Какие безупречные жемчужины, – только и пробормотала Аллочка. – Такое колье стоит бешеных денег.

– Сколько бы оно ни стоило, мы не можем его принять, это совершенно очевидно, – резко сказал Полесский. – Вы хотите, чтобы меня потом упрекали в том, что я беру взятки и позволяю своей дочери носить драгоценности, которым место в Алмазном фонде? Нет, нет и еще раз нет.

Таня с сожалением, которого сама от себя не ожидала, закрыла коробку. Ну что же, отец прав. Но все же до чего приятно получать подарки – особенно такие.

Впрочем, Клод-Ноэль прежде всего оставался джентльменом. Немного флирта, совершенно ни к чему не обязывающего, с юной дочерью посла, изящные безделушки, цветы... И ничего более. Таня и не рассчитывала, что ее знакомство с великим князем Бертранским будет иметь продолжение. Ну что же, она благодарна ему за великолепные минуты триумфа. Не каждой женщине дано почувствовать себя королевой, особенно когда рядом с тобой находится настоящий князь.

Пребывание в Бертроне подходило к концу. Еще девять дней, и она снова окажется в Москве. Таня наслаждалась ласковым солнцем и лазурным морем. При мысли о том, что придется возвращаться в промозглую осеннюю Москву, она испытывала чувство легкого разочарования. Ну что же, зато там у нее друзья, которых нет в Бертроне. Отец вместе с Аллочкой останется в княжестве, но она сможет навещать их раз в полгода, во время каникул. Впрочем, о мачехе Таня совсем не думала.

Ее мысли занимал Игорь. Молодой человек выразил ей свое восхищение тем, как Татьяна держалась на приеме во дворце. Они давно уже были на «ты». Таня чувствовала непреодолимый магнетизм, исходящий от Игоря. Любовь ли это? Она не могла сказать, потому что еще не испытывала этого чувства.

– Я собираюсь тайно прокатиться в Швейцарию, – сказал как-то Игорь. – И приглашаю тебя, Танюша. Ты ведь согласна?

От этого предложения у Татьяны замерло сердце. Еще бы, она согласна на все, чтобы оказаться рядом с Игорем.

– Но мой отец не разрешит, – сказала она с опаской.

– И правильно сделает, – произнес Игорь, и его рука оказалась у нее на плече.

Они были одни в комнате на втором этаже. Игорь нежно провел указательным пальцем по щеке Тани. Боже, всего одно прикосновение...

– Однако ты скоро уезжаешь, – в его голосе Таня уловила трагические нотки. – И вряд ли мы увидимся в ближайшее время. Меня могут перевести из Бертрона, отправить, например, в Японию или Южную Америку...

– Не может быть! – Таня не смогла сдержать восклицания.

Игорь довольно улыбнулся:

– Не беспокойся, Таня, у нас еще есть время. Поэтому я и хочу показать тебе романтические места. Ты мне очень дорога...

– Правда? – чуть слышно спросила Таня, не смея поднять глаза на Игоря. Он произнес слова, которые она ни от кого не слышала.

– Разумеется, правда, – чуть раздраженно сказал Игорь. – Твой отец уезжает сегодня вечером в Москву, он ведь тебе говорил. Вернется в лучшем случае через два дня. Поэтому у нас масса времени.

– Но ведь это будет незаконно, – сказала Таня.

Игорь рассмеялся:

– Танюша, ты ведь сама как-то сказала, что работники посольства похожи на шпионов. Так давай немного поиграем в опасную игру. Нас никто не остановит, уверяю тебя.

Она согласилась. А как же иначе – разве она могла сказать «нет»?

– Я все продумал. – Игорь впервые обнял ее. – Танюша, ты мне необходима!

Если бы Татьяна Полесская догадывалась, до какой степени она необходима Игорю!

Тем же вечером, выйдя в Бертроне, Игорь зашел в желтую телефонную будку, расположенную около оперного театра. Раскрыл потрепанную телефонную книгу на условленной странице. Так и есть, фамилия одного из рядовых граждан княжества подчеркнута. У Игоря была фотографическая память – недаром он прошел обучение в одной из спецшкол комитета. В советском посольстве у него была особая функция, о которой не догадывался даже Виктор Викторович Полесский. Игорь, приятный молодой человек двадцати семи лет от роду, с честными серыми глазами и удивительно честной улыбкой, занимался шпионажем.

Игорь давно, еще в детстве, расстался с иллюзиями. Его увлекал азарт, ему нравились шпионские игры. Настоящие, на грани смертельного риска. В Бертране он прибыл для того, чтобы завершить финальную стадию операции «Рыжая лиса». Операции, которая в случае успешного завершения нанесет США непоправимый удар в области секретной военной техники.

Он сложил две последние цифры телефонного номера. Так и есть, сегодня он должен сказать условленную фразу. Теперь только от него зависит успех «Рыжей лисы». От него – и от Татьяны Полесской. Наивная дурочка, Игорь ей симпатизировал. Но что поделать, работа такая. Таня, сама того не подозревая, оказалась вовлеченной в шпионскую игру двух супердержав. Когда на кон поставлены миллиарды долларов и преимущество в военной области, те, кто находится у власти, без зазрения совести жертвуют жизнями. Но с Татьяной ничего не случится, Игорь это точно знал. Она поможет ему, они расстанутся, возможно, через пару месяцев она получит от него открытку из Боливии или Вьетнама. Приятные воспоминания о путешествии из Бертрона в Швейцарию.

– Мадам Тереза заболела гриппом. Она сегодня не сможет прийти на день рождения, – произнес он невинную фразу и повесил трубку. На том конце провода его поняли. Еще несколько минут, и тайная шифровка полетела в Москву – операция «Рыжая лиса» подходит к завершению. Теперь или победа или поражение.

Военно-морская база США, расположенная недалеко от Бертрона, представляла собой настоящую крепость. Несанкционированное проникновение было полностью исключено. Видеокамеры, постоянная проверка сотрудников на детекторе лжи, прожекторы, сигнализация, отборная охрана.

Столь тщательные меры предосторожности не были излишними, потому что на базе последние два года проходили испытания совершенно нового типа торпед. Испытания увенчались успехом, и теперь Соединенные Штаты имели неоспоримое преимущество на море. У Советов нет ничего и в помине.

– Прошу вас, джентльмены, взгляните на экран, – продолжил полковник О'Крейли.

Он и еще около десятка мужчин, одетых в однотонные дорогие костюмы, находились в секретном бункере. Неаполь располагался в Италии, стране, входящей в НАТО, однако и здесь

американские военные не ощущали себя в полной безопасности. От русских можно ожидать чего угодно. ЦРУ знало, что советская сторона прониюхала об успешных испытаниях и прикладывает все усилия, чтобы завладеть секретом.

– Посмотрите, это совершенно новая технология, разработанная экспертами Пентагона, – полковник явно гордился новой торпедой. – У нее принципиально новое устройство двигателя...

– В какую сумму обошлось Америке это новшество? – подал голос один из гостей, сенатор в роговых очках. Полковник не любил подобных типов – слишком много хотят за мизерные деньги.

– Общая сумма ассигнования составила полтора миллиарда долларов, – сказал О'Крейли. – Но поверьте, господа, эта красавица заслуживает такого внимания. Смотрите, для того чтобы пустить на дно советский линкор, потребуется всего одна подобная малышка. Не верите?

Для тех, кто не доверяет словам, был заготовлен специальный видеофильм. Присутствующие были потрясены, даже сенатор-скептик заявил:

– Что же, полковник, я думаю, что тандем ученых и военных доказал свою действенность. Я буду лично выступать за то, чтобы увеличить количество средств, отпускаемых на ваш проект.

Полковник остался доволен. После демонстрации возможностей нового оружия состоялся торжественный прием. Сенатор в роговых очках отвел полковника в сторону и спросил:

– А как у вас с безопасностью? Мы не можем допустить, чтобы русские или их союзники завладели этим секретом.

– Господин сенатор, – сказал уверенно полковник, – торпеда никогда не попадет в руки к Советам. У нас семиуровневая система контроля, никто, даже я, не имеет возможности сделать копии чертежей или заснять на пленку то, что происходит на полигоне. Уверяю вас, все опасения не имеют под собой ни малейшего основания. Прошу вас, вот она, святая святых, так сказать, тайна за семью печатями.

Он положил на стол небольшую папку с чертежами.

Словно в опровержение его слов в помещениях базы раздался сигнал тревоги, замелькали красные огни. Полковник мысленно выругался. Внештатная ситуация, и это в тот самый момент, когда он принимает гостей из Вашингтона.

– Прошу сохранять спокойствие, – он нажал кнопку селекторной связи. – Это не более чем рядовая учебная тревога. Я посчитал, что вам будет небезынтересно увидеть, в какой срок мы можем мобилизовать силы на борьбу с воображаемым противником.

– Очень хорошо, – одобрил сенатор.

– Сэр, при всем к вам уважении, – полковник покосился на папку и положил ее в небольшой сейф, вмонтированный в стену, – в мое отсутствие здесь никто не может оставаться.

– О да, подозреваются все, похвально, – заметил сенатор и, поставив на стол недопитую чашку кофе, вышел вслед за полковником.

– Извините, – произнес О'Крейли и стремительно зашел в лифт.

В коридоре этажом ниже его ожидал заместитель.

– В чем дело, Джон? – рявкнул полковник. – Ты что, не видишь, у меня эти надутые придурки, они обо всем доложат, зачем сейчас устраивать тревогу?

– Сэр, – пролепетал Джон. – Положение серьезное, кто-то вторгся на территорию базы и попытался вскрыть сейф с микрофильмами.

Полковник побелел. Он только что расхвалил систему безопасности на базе, а тут под самым носом у комиссии из сенаторов и представителей военной индустрии кто-то наглым образом пытается похитить один из наиболее тщательно охраняемых секретов Америки.

– Немедленно заблокировать все выходы, – приказал полковник. – Мне нужно распрощаться с этими придурками, а затем мы сможем навести порядок. Сейф не тронут?

Не дождавшись ответа, О'Крейли спустился на два уровня ниже. Массивный сейф с часовым механизмом был не тронут. В сейфе хранились десять экспериментальных экземпляров торпеды. Русские отдали бы все, чтобы заполучить один из них. Правда, украсть его было бы нелегко, хотя бы потому, что каждая торпеда весит около семисот килограммов.

– Может, сигнализация сработала сама по себе? – сказал он, зная, что такое невозможно. – Прочесывайте базу, понятно?

– Да, сэр, – сказал Джон.

– Господа, самолет вас ожидает, – полковник вернулся к гостям. Те, утомленные его долгим отсутствием, вели разговоры на посторонние темы.

– Все в порядке, полковник? – поинтересовался дотошный сенатор в роговых очках.

– Более чем, – сказал тот. – Ребят на базе, знаете ли, необходимо всегда держать в тонусе, чтобы русские не застали нас врасплох.

– О, я в этом и не сомневаюсь, – сенатор поправил очки. – Итак, господа, я думаю, что могу от нас всех выразить полковнику О'Крейли искреннее восхищение. Ваши успехи впечатляют. Спасибо вам.

Он протянул полковнику руку, и тот ответил бодрым рукопожатием.

– Сэр, я польщен вашей высокой оценкой, желаю вам счастливого пути.

– И еще, полковник, – сенатор понизил голос до интимного шепота. – Где у вас туалет?

Полковник едва сдержался, чтобы не хмыкнуть. Вот они, обитатели политического олимпа, ничем не отличаются от простых смертных.

– Я провожу вас в мой кабинет, сенатор.

Они отделились от остальных гостей. Сенатор, виновато улыбнувшись, скрылся в кабинете. О'Крейли не рискнул зайти, еще подумает, что он его контролирует.

Гостя не было минут пять. Раздался шум спускаемой воды, затем сенатор вышел и прикрыл дверь.

– Простите, что так долго, но, кажется, у меня расстройство желудка, – пожаловался он.

Так и есть, лицо покрылось капельками пота. Полковник сочувственно поцокал языком. Что же, бывает.

Комиссия, которую ожидали несколько лимузинов с тонированными стеклами, отбыла восвояси. Полковник О'Крейли изменился в лице. Теперь он стал похож на разъяренного тигра. Подчиненные получают сегодня настоящую взбучку, они поставили его в дурацкое положение перед важными гостями.

– Сэр, все в полном порядке, – доложил Джон. – На территории базы не обнаружено никого из посторонних.

– Я и не сомневался, что все в порядке, – прикрикнул полковник. – Никакие русские не доберутся до секретов Пентагона.

Полтора часа спустя сенатор в роговых очках, столь усердно восхищавшийся успехами полковника О'Крейли и его команды, сидел в кресле «Боинга», который через несколько минут должен был стартовать в Вашингтон. Он снял очки и положил их на подлокотник. Закрыв глаза и попытался вдохнуть полной грудью. Его душил страх. Он пошел на преступление. А вдруг его сейчас арестуют и обвинят в государственной измене? Но разве у него был иной выбор? Увы, нет.

К нему подошла темноволосая стюардесса и предложила напитки.

– Ничего не надо, – задыхающимся голосом произнес сенатор.

– Попробуйте манговый ликер, господин сенатор, – услышал он ласковый голос. – Он чрезвычайно бодрит. Как раз для вас.

Его как током ударило. Человеку, который произнесет эту фразу, он должен отдать свои роговые очки – очки, в дужку которых была вмонтирована миниатюрная камера.

Он взглянул в глаза стюардессы, в глубине которых зажглись крошечные искорки.

– Ваши очки, господин сенатор, – произнесла стюардесса. – Они упали. Позвольте я подниму их.

В руках у сенатора оказались очки, однако он знал: те, в которых содержались сделанные им сегодня на базе фотографии чертежей торпеды, остались у стюардессы.

– Счастливого пути, господин сенатор, – произнесла она и помогла ему защелкнуть ремень безопасности. Сенатор, которого буквально трясло, однако вовсе не от смены климата или пищевого отравления, а из-за обыкновенного страха, с облегчением закрыл глаза. Сколько раз он прокручивал в голове череду действий, которые от него требовали сделать. Он попался по-глупому, в руках русских или черт знает кого там находились компрометирующие фотографии. Эти милые картинки, будь они опубликованы, не только обрушили бы его удачную карьеру, они положили бы конец его безупречной репутации примерного семьянина и привели бы на скамью подсудимых. Одно дело, когда публика, охочая до животных зрелищ, смакует фото с обнаженными красотками. Это было бы не так ужасно. Но сенатор предавался сексуальным утехам с девочками-азиатками, которым едва исполнилось двенадцать. Ему позвонили и намекнули, что в свежем номере одного из желтых журналов могут появиться пикантные фотографии. Плата за молчание – небольшое поручение.

Сенатор долго размышлял. Он пошел на государственную измену. Ему сообщили шифр сейфа в кабинете полковника О'Крейли. Оставалось только выбрать удачный момент. Когда завывали сирены, сенатор едва не умер от инфаркта. Он с ужасом вспомнил, как липкими от пота руками открыл массивный сейф, достал папку с чертежами и сделал несколько десятков снимков. Раньше он видел такое в фильмах про Джеймса Бонда. Но разве он мог представить, что сам окажется шпионом?

Наконец-то все позади. Он выдержал. Сенатор постепенно приходил в себя. Жена ни о чем не узнает. Русские сдержали слово – в руках у него находился плотный конверт. Сенатор обернулся, не заметили ли другие пассажиры этот молниеносный обмен. Нет, другие члены комиссии дремали, болтали или усердно поглощали поздний ужин.

Он надорвал конверт. Мерзкие фотографии и негативы. Ну что же, теперь можно почтить прессу.

Темноволосая стюардесса покинула борт «Боинга». Она задержалась в аэропорту и дождалась, пока самолет не взлетел. Затем зашла в женский туалет и заперлась в кабинке. Из шатенки с карими глазами она превратилась в коротко стриженную блондинку. Сменила контактные линзы, и теперь ее глаза стали темно-синими. Униформа отправилась в сумку, она облачилась в серый деловой костюм.

Из аэропорта она отправилась в отель. Запершись в комнате, она исследовала содержимое дужек очков, которые передал ей сенатор. Именно этот сластолюбивый американец мог оказаться самым слабым звеном в тщательно спланированной операции. Если он сделал не те фотографии или фотографии вышли плохо... В любом случае у КГБ имелся еще один негатив фотопленки с компрометирующими сексуальными утехами сенатора. Пусть пребывает в святой уверенности, что он выторговал себе свободу и спокойствие. Настанет час, и Комитет снова потревожит его. А может быть, наивному политику повезет, и никогда больше не раздастся в его офисе на Капитолийском холме звонок с новой просьбой-угрозой.

Стюардесса (впрочем, она успела побывать также и врачом, и учительницей, и топ-моделью, и проституткой – в зависимости от того, какой конкретный образ требовался при проведении очередной операции) извлекла крошечный микрочип, вставила его в особую камеру, просмотрела сделанные снимки.

Что же, американец не подвел. Чертежи новейшей торпеды, которая, как полагают США, станет настоящим бичом для стран Варшавского Договора, в ее руках.

Она положила микрочип в капсулу, а ту опустила во флакон с духами. Взяла трубку и позвонила в Париж. Несколько ничего не значащих фраз, которые несут скрытый смысл: фотографии у нее.

Следующим утром, когда мнимая стюардесса, а на самом деле один из лучших кадров КГБ, предназначенных для разведывательной деятельности за рубежом, покинула отель, в ее опустевший номер вошел менеджер отеля, полный итальянец с массивным сапфировым перстнем на мизинце и экзотическими, а-ля Сальвадор Дали, усами.

Он знал, что нужно искать. Номер не убирали – он так распорядился. Горничная не должна присвоить флакон с «Шанель № 5», якобы в спешке забытый на туалетном столике.

Менеджер отеля Джузеппе, насвистывая арию Каварадосси, положил флакон в карман. Он выполнил то, что от него требуется. Ему не было точно известно, на кого он работает, и его совершенно не волновал вопрос, что находится в этом пузырьке. Ему платили – много и исправно, и его это устраивало. Итальянцу постоянно требовались деньги – жена, семеро детей, любовница, у которой три отпрыска, и все от него, престарелая полупарализованная мать. Денег не хватало, поэтому, когда пятнадцать лет назад его попросили об услуге, он недолго думая согласился. Деньги не пахнут. Раз в полгода от Джузеппе требовалось что-нибудь забрать, съездить в Рим или Палермо, сделать телефонный звонок. Он не собирался вести двойную игру. Зачем, он знал, что такое мафия. Все эти организации, которые занимаются шпионажем, а он был уверен, что вовлечен в нечто подобное, ничуть не лучше. Если его труп с перерезанным горлом найдут в сточной канаве, то кто станет кормить все семейство?

Зато по вечерам, поедая спагетти или пиццу, приготовленную женой или любовницей, он с удовольствием смотрел криминальные фильмы и думал про себя, что он – один из них, этих ловких парней, которые похищают чужие секреты и спят с красотками.

Джузеппе отдал флакон пожилой даме в мехах, которая занимала номер 689. Дама, несколько не удивившись, продемонстрировала ему в улыбке великолепный фарфоровый протез, а затем сказала:

– Благодарю вас, милейший. Плату, как всегда, получите через неделю.

Джузеппе расцвел. Он сможет позволить себе небольшой отдых подальше от сварливой жены и надоедливой любовницы с маленькой цыпой, он познакомился с ней пару месяцев назад и тратил на нее все больше и больше. Она давно просила показать ей Рим. Вот они там повеселятся!

Пожилая дама, говорившая по-итальянски с легким немецким акцентом, положила заветный флакон к себе в несессер и моментально съехала из гостиницы. Ее ждал серебристый «Роллс-Ройс». В отличие от подавляющего большинства своих сверстниц, пожилая леди предпочитала быструю езду. Путь в неапольский аэропорт занял у нее не более получаса. Ее ждал самолет чартерной авиакомпании, который доставил ее в Цюрих.

В банковской столице Европы моросил мелкий дождь и стояла пасмурная погода. Здесь она должна ждать. У нее заберут флакон, и она свободна.

Елена Григорьевна Новако происходила из дворянской семьи. Ее родителям посчастливилось бежать из сотрясаемой пертурбациями империи в период между февральской и октябрьской революциями. Ее отец, дальновидный прагматик, незадолго до начала Первой мировой войны разместил в американских банках капиталы. Он принципиально не доверял европейским финансистам и справедливо полагал, что Старый Свет рано или поздно падет под мощными ударами тевтонской армады. Он оказался прав в одном: банковский хаос поразил все страны – и победителей, и побежденных.

Зато в Америке царили сытое спокойствие и легкое недоумение. Семья Новако обустроилась в Филадельфии, там на свет и появилась Елена Григорьевна. С самого детства ее вос-

питывали в атмосфере ненависти к коммунистам, одновременно прививая любовь к старой монархической России.

Отец Елены Григорьевны преуспел на бирже, что было редчайшим исключением из правил – чужаков, тем более русских, там не терпели. Они смогли жить, как привыкли, на широкую ногу, коллекционировать квартиры, мебель и прочие осколки прежней жизни. Мать Елены Григорьевны, урожденная баронесса Шейнина, стала законодательницей мод и хорошего тона в филладельфийском обществе.

Семья Новако постепенно привыкала к новому существованию. Леночка говорила по-английски лучше, чем по-русски, чем огорчала родителей. Ей специально наняли бонну, которая до этого, по крайней мере по ее собственным утверждениям, работала у князей Юсуповых.

Крах размеренной и богатой жизни наступил внезапно, в самом конце октября двадцать девятого года, незадолго до четвертого дня рождения Леночки. Разразилась паника на нью-йоркской бирже, началась Великая депрессия, тысячи, если не сотни тысяч бизнесменов по всей стране разорвались в одночасье.

Увы, но семья Новако стала одной из жертв экономического спада. Отец Лены за какие-то полчаса потерял почти все, чем обладал. Американские банки, которым он так верил, лопались подобно мыльным пузырям. Над ними нависла тень нищеты.

Прекрасный особняк, в который мать Елены Григорьевны вложила душу, великолепные вещи, редкие картины, драгоценности, меха, подобранная со вкусом библиотека – все пошло с молотка. Бывшие друзья или отворачивались, или в лучшем случае выражали искреннее сочувствие и отходили в сторону. Впрочем, упрекать их было нельзя – судьбы многих в те месяцы оказались разбиты вдребезги.

В самый канун православного Рождества, в начале тысяча девятьсот тридцатого года, семья Новако оказалась на улице. Какое-то время они могли снимать меблированный чердак в районе, где жили ирландцы, но вскоре и это жилище оказалось им не по карману.

Елене Григорьевне врезалось в память, как они с матерью ходили по улице и попрошайничали. Отец наотрез отказался принимать в этом участие, заявив, что предпочтет умереть голодной смертью, чем унижаться перед янки. Однако эмигранты – поляки, ирландцы, евреи – оказывались щедрее, чем обеспеченные буржуа. Мать Елены Григорьевны, еще недавно блиставшая новыми нарядами из Парижа и драгоценностями от Картье, устроилась работать прачкой. Помимо Лены у нее на руках был восьмилетний Сережа и трехлетняя Ольга.

Грязное белье было при любом режиме, при любом экономическом и политическом кризисе имелись грязные подштанники, затертые манжеты и залитые соусом галстуки. Работа в прачечной позволила семье Новако перебиваться с воды на хлеб. Они жили рядом с китайским кварталом, откуда доносились аппетитные запахи диковинных блюд и слышалась мелодичная гортанная речь. Зато по ночам из трущоб выползали крысы – огромные твари серого цвета, некоторые размером с кошку, с длинными голыми хвостами. Лена научилась ловко перебивать им хребет железным совком.

Зато отец Лены, который так гордился тем, что в отличие от многих сумел стать в Америке подлинным бизнесменом, впал в ступор. Он во всем винил коммунистов, полагая, что именно они тщательно спланировали и организовали подрыв американской экономики.

Однажды вечером, вернувшись из школы, Лена обнаружила, что дверь в их каморку запахнута. Заплаканная мать стояла рядом с полицейским и пыталась что-то ему объяснить. Тот кивал головой.

– Леночка, папы больше с нами нет, – сказала ей мама. – Он ушел на небо. Ему там будет хорошо, поверь мне.

– Он больше не сможет со мной играть? – спросила Лена.

– Не сможет. Поверь, так лучше. Мы будем за него молиться.

Затем была тягостная процедура похорон, мать Лены упорно убеждала в чем-то полного священника, который говорил монотонно и постоянно поглаживал окладистую седую бороду. Только годы спустя Елена Григорьевна узнала, что тем днем мама, вернувшись после ночной смены в прачечной, обнаружила, что ее муж повесился.

Его похоронили в общей могиле, так как на отдельную у них не было денег. Русская община выделила им мизерную сумму, которой едва хватило, чтобы сделать процедуру погребения более-менее достойной.

Затем было долгое путешествие на пароходе, в каюте третьего класса, под ватерлинией. Они вернулись в Европу. Мама сказал, что так будет лучше и там она сумеет найти хорошую работу.

На самом деле жизнь в Европе была ничуть не лучше, чем в Америке. Сплошная безработица, отчаяние в глазах людей, голодные вечера в холодной квартирке на Монмартре. Затем мама снова вышла замуж. Ее новый супруг, родом из Австрии, оказался обеспеченным фабрикантом пуговиц и пряжек. Скоро выяснилось, что ему требовалась безропотная рабочая сила, экономка и рабыня в одном лице. Взрослеющая Лена наблюдала, как отчим бьет ее маму, а та, глотая слезы, едва сдерживается, чтобы не разрыдаться.

– Если хочешь, чтобы твои отпрыски жили в достатке, то ты должна терпеть, – не раз слышала она любимую фразу отчима.

Мама умерла от чахотки пять лет спустя. Надвигалась новая война. Лена помнила, как ее родной отец настороженно относился к немцам. Когда войска Гитлера лихо промаршировали по улицам Вены, она не верила своим глазам. Неужели такое возможно? Отчим же радовался тому, что нашелся человек, который железной рукой наведет в Европе порядок. Кроме того, он значительно обогатился на военных заказах.

Как барышня из приличной семьи, Лена выходила в свет. Ею интересовались нацистские офицеры, Лена же не могла пересилить себя. Они напоминали ей крыс, которых она когда-то ловко убивала ударом железного совка для угля.

Она была вовсю увлечена идеями подпольного движения. В университете, где она изучала историю, образовался кружок патриотов, которые поставили своей целью способствовать падению ненавистной фашистской диктатуры. Без опаски пропагандировались левые взгляды. Именно тогда Лена влюбилась в первый раз. Покойный отец явно не одобрил бы ее выбор – молодой человек из пролетарской среды, притом с еврейскими корнями, который только и делает, что ведет разговоры о правильности учения Маркса и Ленина, открыто восхищается политикой Сталина и боготворит Советский Союз.

Именно он, Макс Розенблюм, стал ее первым мужчиной. Они провели изумительную ночь в крестьянском домике, любили друг друга до зари, а потом он ушел. Как оказалось, навсегда. В их подпольной организации оказался предатель, практически всех, кто участвовал в Соппротивлении, арестовали. Лене чудом повезло. Впрочем, отчим популярно разъяснил ей, что это никакое не чудо.

– Дура и потаскуха! – визжал он, размахивая перед ее носом ремнем. – Ты знаешь, чего мне стоило добиться, чтобы твое имя не упоминалось в числе тех, кто ведет подрывную деятельность в Третьем рейхе? Их всех повесят, и тебя бы тоже вздернули, если бы не я. Только почитая память твоей усопшей матери...

Лена знала, что отчим никогда не любил ее мать, а использовал в собственных интересах. Ему, фермерскому сыну, который в детстве пас коров, доставляло скрытое садистское удовольствие мучить русскую дворянку.

Как бы то ни было, но, опасаясь за собственную шкуру и гешефты, отчим, заплатив изрядную сумму, сделал так, чтобы Лена проходила по делу только свидетельницей.

– И учти, мне не нужно самоотверженных поступков, – сказал он. – Твоя сестра и брат находятся на моем иждивении, и если не хочешь, чтобы с ними произошло что-нибудь ужасное, то советую тебе на суде говорить только то, что я велю. Ты поняла?

Лена прекрасно его поняла. На суде ей пришлось выступить всего несколько минут, ответить на ничего не значащие вопросы государственного обвинителя. Ее возлюбленный, Макс, держался стойко, произносил обличительные речи, клеймил человеконенавистническую суть нацизма...

Отчим оказался прав – всех участников подобного объединения, пятерых молодых людей и трех девушек, приговорили к смертной казни через повешение. Приговор привели в исполнение час спустя после окончания рассмотрения дела. Судьи почти не совещались, они только достали заранее отпечатанный текст, увенчанный орлом со свастикой, и коротко прочли страшные слова. Лена, присутствовавшая все дни в зале суда и не сводившая глаз с Макса, упала в обморок.

Она отдала немногочисленные драгоценности, которые у нее были, чтобы увидеться с Максом в последний раз. Тюремщик нехотя согласился.

– Три минуты, – произнес он, впуская Лену в сырой подвал, где раньше, в Средние века, инквизиция выбивала из людей признания в содружестве с нечистой силой.

– Ты пришла, – произнес Макс, и только вблизи Лена увидела тщательно замазанные синяки, обескровленные губы и безумные глаза возлюбленного. Его пытали! Он страдал!

– Мне тебе нечего сказать, – произнес он и отвернулся. Их разделяла прочная решетка. Минуты утекали, как песок сквозь пальцы.

– Макс, я тебя очень люблю, – произнесла Лена.

Казнь в назидание всем предателям проводилась при большом стечении народа. Лена заперлась в своей комнате, но ей казалось, что до нее доносятся мерная барабанная дробь и горланье слова, которые выкрикивает одетый в черное офицер.

С этого момента она стала пламенной коммунисткой. Коммунисткой вынужденной, а не по призванию, как Макс. Война окончилась, она переехала во Францию, вышла замуж за владельца крупного издательства, который вскоре умер и оставил ей многомиллионное состояние. Затем еще одно замужество, всемирно известный дирижер. Лена не любила ни первого, ни второго супруга. В ее сердце осталось место только для Макса.

Кто бы мог поверить, что Елена Григорьевна Новако, русская аристократка, владелица огромного состояния, на самом деле сотрудничает с Советами. Ей не требовались деньги, она пыталась читать многочисленные произведения коммунистических лидеров и находила их абсолютно идеалистическими. Она делала это ради памяти Макса. Своего единственного сына она назвала в честь возлюбленного.

– Игорь, я не могу поверить, мы в Швейцарии! – воскликнула Таня.

Взятый напрокат быстроходный автомобиль мчал их по гористой трассе. Всего полчаса назад они миновали границу, у них не возникло никаких проблем, их документы даже не проверили.

Он делает это ради нее? Таня искоса взглянула на Игоря, который вел машину. Погруженный в себя, он размышлял о чем-то.

– Все в порядке? – спросила Таня.

Игорь вздрогнул:

– Конечно, Таня, все в порядке.

Он взглянул на часы. Все идет по графику. Они вернутся в Бертран поздно ночью. Ему нужно взять флакон с «Шанель № 5» и микрочипом, на котором находятся фотографии чертежей одной из самых мощных в мире торпед нового поколения.

Они проезжали мимо уютных шале, зеленых лугов и журчащих ручьев. Таня чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Игорь рядом с ней!

Они прибыли в небольшой городок, где наскоро перекусили в крошечном ресторанчике.

– Может быть, мы немного прогуляемся? – спросила Таня.

Ей так хотелось забраться по узкой тропке в горы. Игорь нервничал.

– Не в этот раз, – сказал он. – Хорошо, Танюша?

Она покорно согласилась. Почему он так ведет себя? Игорь не походил на себя прежнего.

В Цюрихе они заехали в гостиницу, где пообедали. За соседним столиком в полном одиночестве смаковала бокал красного вина пожилая дама с горделивой осанкой, облаченная в клетчатый наряд. Когда Игорь с Таней выходили из ресторана отеля, они в дверях столкнулись с этой дамой. Миниатюрная сумочка выпала у нее из рук, рассыпались тубики с губной помадой, мелкие монеты.

– Прошу прощения, это моя вина, – произнес Игорь по-немецки.

Дама в ответ улыбнулась:

– Ничего страшного. Вы не можете мне помочь, понимаете, у меня артрит.

На помощь подоспел официант. Таня тоже наклонилась и подала даме небольшую темную коробочку. Духи «Шанель № 5». Настоящие, произведенные в Париже, а не дешевая подделка.

– Спасибо, милая, – сказала дама. – Оставьте это себе в качестве моей признательности за вашу помощь.

– Не обращай внимания, – шепнул ей Игорь. – В Швейцарии много эксцентричных старух, у которых из-за обилия денег поехала крыша.

Таня покрутила в руках флакон с духами. Что ей с ним делать? Дама уже вышла из стеклянных дверей отеля и усаживалась в серебристый «Роллс-Ройс», похожий на тот, в котором перемещается английская королева.

– Разреши, я возьму, – флакон оказался в руках Игоря. Таня почувствовала прикосновение его ладоней. – Я потом тебе его отдам, хорошо?

Инцидент выпал из памяти Тани почти мгновенно. На обратном пути Игорь разительно переменялся: сыпал шутками, рассказывал забавные истории из дипломатической жизни и даже один раз нежно поцеловал Таню.

В Бертран они прибыли около полуночи. Никто не задал лишних вопросов – Виктор Викторович был в Москве, Аллочка, пользуясь тем, что муж отлучился, ездила в Неаполь, чтобы заказать себе четыре новых костюма и бальное платье. В последнее время, после конфуза на приеме у великого князя, мачеха налегла на иностранные языки и гордилась тем, что может по-французски поддержать беседу о творчестве Пикассо и романах Айрис Мердок.

– Ты подарила мне незабываемый день, Танюша, – произнес Игорь.

Таня ждала, что он снова поцелует ее, но этого не произошло.

– Мне пора, завтра рано вставать, – сказал он и скрылся в своей комнате.

Однако вместо того чтобы лечь в кровать, Игорь надел резиновые перчатки, вооружился крошечным пинцетом и извлек из матового флакона микрочип, обернутый в водонепроницаемую ткань. Вот он, финал операции «Рыжая лиса».

Тем же вечером, пользуясь тем, что у него было право беспрепятственно покидать посольство в любое время дня и ночи, Игорь выскользнул в Бертран. Он оказался в казино «Сезам-палас», здании, выстроенном в пышном восточном стиле. Княжество в основном зарабатывало деньги на азартных играх и подозрительных финансовых операциях.

В казино царило оживление, ночь была излюбленным временем для того, чтобы сделать ставку, проиграть или выиграть состояние. Игорь смешался с разношерстной толпой туристов, которые оккупировали все столы для игры в рулетку.

Он подошел к телефону, нашел в справочнике нужную фамилию, набрал новый номер.

– Я сегодня задержусь в казино, мне необычайно везет, выиграл три тысячи франков, – сказал он. – Предупредите маму, чтобы не беспокоилась.

И повесил трубку. В Москве теперь знали, что операция «Рыжая лиса», которая разрабатывалась в течение почти трех лет, увенчалась успехом. Микрочип находится в посольстве Бертрана. Теперь дело за малым – переправить его в Москву.

Именно для этой роли и была выбрана Татьяна Полесская, дочь Чрезвычайного и Полномочного посла Советского Союза в Великом княжестве Бертранском. Она должна улететь домой через неделю. Впрочем, Виктор Викторович получил в Москве недвусмысленное приказание отправить домой дочь как можно быстрее.

– Не нужно, чтобы дети сотрудников за государственный счет находились слишком долго за рубежом, – сказали ему. – Виктор Викторович, вы как государственный человек это прекрасно понимаете. Увидите дочку через полгода, она у вас умница и отличница, сдаст сессию и снова приедет к вам.

Виктор Викторович расстроился, однако не посмел возражать. Ну что же, если кому-то наверху так необходимо, чтобы его дочь уехала на неделю раньше, то что поделаешь.

Он вернулся в Бертран утром следующего дня. Таня, всласть выпавшись после швейцарских приключений, встретила его у ворот посольства.

– Дочка, – произнес Полесский, – обстоятельства так складываются, ты должна завтра отправиться в Москву.

– Папа, но почему? – изумилась Таня. – У меня ведь еще целая неделя каникул.

Ей так не хотелось покидать Бертран. Она привыкла к крошечному княжеству, она знала, что Игорь находится рядом. И вот – ей нужно отправляться обратно.

Зато Аллочка, узнав о том, что Таня завтра же вылетает в Москву, едва ли не ринулась собственноручно укладывать чемоданы.

– Что же поделаешь, Витя, на самом деле, нельзя же вывозить за границу всех членов семьи, – произнесла она вечером в супружеской спальне. – Тане пора привыкать к взрослой жизни. Она скоро и замуж выйдет, у нее будет отдельная семья.

– О чем ты говоришь, она еще ребенок, – произнес Виктор Викторович.

Алла скривилась. Слава богу, что Татьяна выметается из Бертрана. А то еще неделю она бы не выдержала. Всему есть предел, а девчонка здорово действует ей на нервы.

Чемоданы были уложены, лимузин отвозил Таню в неапольский аэропорт. Отец не смог поехать провожать ее, Аллочка, заявив, что у нее разыгралась ужасная головная боль, демонстративно заперлась у себя в будуаре и даже не пожелала падчерице счастливого пути.

Игорь сухо попрощался с Таней. Его миссия выполнена. Микрочип, который теперь помещался в ручке расчески, покоился на дне одного из чемоданов Татьяны. По прибытии в столицу его изымут, она и не заметит. Небольшая задержка с багажом, но ведь такое бывает.

– Дочка, желаю тебе всего наилучшего, – Виктор Викторович обнял Таню и поцеловал. Отчего-то в тот августовский день у него заныло сердце. Но в чем дело, все в полном порядке. Алла права, он не может контролировать каждый шаг дочери. Что же, придется привыкать к тому, что она становится взрослой.

Людмила, подруга Татьяны, в тот день была занята и тоже не смогла проводить ее в аэропорт.

Таня благополучно прошла таможенный контроль и смотрела сквозь иллюминатор на терминалы генуэзского аэропорта. До отлета оставались считанные минуты. Трап убрали. Однако, вместо того чтобы разбежаться по взлетно-посадочной полосе, самолет продолжал стоять.

– Ждут кого-то из важных персон, – сказал ее сосед, хирург из Ленинграда, который принимал участие в конгрессе.

Таня взглянула в иллюминатор. Так и есть, трап, который благополучно отошел от брюха самолета, снова подавали к лайнеру. Почему-то самолет оказался окружен полицейскими автомобилями.

– Похоже, среди нас завелся преступник, – пошутил хирург. – Только непонятно, почему итальянский бандит попытался бежать к нам, в Москву.

– Дамы и господа, – раздался чуть встревоженный голос, – с вами говорит командир экипажа. Просьба оставаться на своих местах.

Пассажиры загудели, не понимая, в чем дело.

– Что за произвол, – раздалась недовольная реплика. – Итальянская полиция творит все, что хочет. Я буду жаловаться.

– Не стоит так волноваться, – сказал хирург, который чем-то напоминал Тане отца. Скорее всего, своей уверенностью и спокойствием. – Такое часто бывает. Не думаю, что нам стоит волноваться. Ловят мафиози. Посмотрите, – и он украдкой показал на высокого полного итальянца, который сидел чуть впереди. Прослушав короткое объявление, итальянец сверкнул глазами, посмотрел на внушительные золотые часы и стал нервно жевать ус.

– Наверняка за ним пришли, – прошептал хирург. – Видели «Крестного отца», он точно в коза ностре состоит.

Словно услышав их разговор, итальянец обернулся. Таня вздрогнула. В его взгляде было столько ненависти и страха! Мафиози вжался в кресло и схватил журнал, лежавший перед ним на откидном столике. Таня повернула голову.

Несколько одетых в темные одинаковые костюмы мужчин двигались с кошачьей грацией по проходу. Прямо к итальянцу. Мафиози поднял глаза, перевернул страницу в журнале, а затем, не выдержав, снова оглянулся. Таня отметила, что журнал был посвящен кулинарии. Такие типы явно не занимаются домашним хозяйством. Схватил первое, что попало под руку.

Один из одетых в черный костюм медленно приближался к итальянцу. Тот вновь обернулся. Взгляды мафиози и этого человека скрестились.

Человек в костюме прошел мимо, не выказав ни малейшего интереса. Итальянец обернулся еще раз и нервно крикнул:

– Стюардесса, я опаздываю на важную деловую встречу, в чем дело?

– Синьор, нет причин для беспокойства, – сказал один из облаченных в черный костюм.

– Тогда хотя бы напитки, я хочу бокал белого вина! – Итальянец откинулся на сиденье и вновь погрузился в чтение журнала по кулинарии.

Таню перестало интересовать происходящее. Вот и все. Ее бертранские каникулы закончились. Ну что же, она вовсе не жалеет, что все так завершилось. Несколько часов – и она окажется в Москве. В чемоданах полно подарков для друзей и родственников.

– Мисс, разрешите ваш паспорт, – услышала она вдруг.

Таня вздрогнула и подняла глаза. Человек в черном костюме уставился на нее. Его глаза, похожие на крошечные буравчики, буквально впились в ее лицо. Таня поежилась. Что им от нее надо? Отец всегда учил, что в чужой стране никогда не стоит перечить представителям закона. Вполне возможно, что это рядовая проверка документов.

– Прошу вас, – Таня протянула паспорт.

Незнакомец взял книжицу, раскрыл ее и стал внимательно изучать. К нему присоединился его напарник. Они обменялись многозначительными взглядами.

– Мисс Татьяна Полесская, прошу вас, пройдемте с нами, – произнес один из черных костюмов.

– В чем дело? – задала Таня вопрос.

– Формальности, – ответил тот. – Недоразумение с вашим багажом.

– Я дочь советского посла в княжестве Бертран, – сказала Татьяна. Она никогда не выпячивала должность своего отца, однако таможенникам необходимо знать, с кем они имеют дело.

– О, нам это известно, мисс Полесская. Прошу вас, это не займет много времени.

Ну что же, если они так говорят. Таня поднялась с места и проследовала к трапу. Оказавшись на воздухе, она спросила:

– В чем дело, я не понимаю...

Черный костюм достал рацию и сообщил кому-то:

– Сэр, все в полном порядке, она у нас.

– Мисс Полесская, следуйте, пожалуйста, за нами, – тон изменился. Он по-прежнему остался вежливым и донельзя корректным, но Таня почувствовала почти арктический холод в словах.

По-прежнему ничего не понимая, Татьяна шла по зданию аэропорта. Она оказалась в небольшой комнате, где было пятеро или шестеро мужчин и одна женщина, которая курила и стряхивала пепел на ковер.

– Мисс Полесская, – произнесла женщина на хорошем русском языке, едва дверь за Таней захлопнулась. – Я Маргарет Доусон. Прошу вас ответить на некоторые вопросы...

Таня заявила:

– Пока я не получу разъяснений по поводу того, что происходит, я не собираюсь отвечать ни на какие вопросы. И я требую встречи с советским послом.

– Конечно, мисс Полесская, это ваше законное право, – ответил один из присутствующих. – Но прошу вас, скажите, какой багаж принадлежит вам?

Вопрос был настолько абсурден, что Таня растерялась. Она слышала, что советские граждане за рубежом попадали иногда в неприятные ситуации, часто оказывались жертвами провокаций, однако с ней не может произойти ничего подобного. Ее отец – посол в Бертране, она советская гражданка, летит на родину.

– Два чемодана, сумка и ручная кладь, – ответила Таня. – Но, повторяю, в чем дело?

– Вопросы задаем мы, – сказал черный костюм и блеснул запаянным в пластик удостоверением. Таня прочитала: «Федеральное бюро расследований». Боже, в какую историю она угодила?

– Мисс Полесская, – сладким голосом сказочной ведьмы продолжала по-русски Маргарет Доусон. – Я советую вам говорить правду, только правду, и ничего кроме правды. Если ваши ответы нас удовлетворят, то вы вернетесь в самолет. Кстати, он пока не улетел, ждет вас. Вы же не хотите задерживать две сотни человек?

Таня вздохнула. В самом деле, с чего она взяла, что положение серьезно? Агент ФБР сказал, что вышло недоразумение с багажом. Таня вспомнила, что когда они с Аллочкой летели в Неаполь, то в Шереметьеве вышел небольшой казус – у мачехи оказалось чересчур много чемоданов. Но ведь у нее с собой всего два. Так в чем же дело?

– Мисс Полесская, вы узнаете свои вещи? – раздался чей-то голос. Перед Таней стояли ее чемоданы и сумка.

– Да, – ответила Таня.

– Прекрасно. – Маргарет Доусон, стряхнув пепел на пол, раздавила сигарету в пепельнице. – Тогда скажите: все ли вещи, которые находятся внутри данных чемоданов и сумки, принадлежат вам?

– Да, – ответила Таня.

К чему она клонит? Ее, дочь советского посла, собираются обвинить в контрабанде? Но разве несколько открыток с видами Бертрана или плакат, на котором изображен правящий великий князь Клод-Ноэль в окружении членов семьи, попадает под эту категорию?

– Великолепно, – сказал агент ФБР.

Только сейчас Таня заметила, что один из мужчин, примостившийся в самом углу комнаты, стенографирует каждое слово. Это что, допрос? Тане вдруг стало дурно.

– Нельзя ли открыть окно? – спросила она.

Маргарет Доусон участливо улыбнулась и включила кондиционер.

– К сожалению, должностные инструкции запрещают нам открывать окна, – сказала она.

Струи холодного воздуха окатили Таню. Мурашки пробежали по спине. Все-таки в чем дело?

– Если все вещи, которые содержатся в двух чемоданах и сумке, согласно вашим словам, являются вашей собственностью, то вы несете полную ответственность за них, – сказала Маргарет Доусон. – Начинайте, – бросила она короткую реплику по-английски двум облаченным в форму пограничников подтянутым мужчинам.

Таня беспомощно наблюдала, как они вскрыли ее чемоданы, выпотрошили все содержимое на пол. Тщательно уложенная одежда, нижнее белье, немного косметики.

– Что вы делаете! – вырвалось у нее, когда Маргарет Доусон, держа в одной руке сигарету, полезла в небольшую сумочку, где хранились туалетные принадлежности.

– Мисс Полесская, у вас была возможность сделать чистосердечное признание, вы его упустили. – На ее плечо легла тяжелая рука одного из агентов ФБР. Хватка у него была железная.

Маргарет Доусон явно знала, что искать. Она ловким движением выудила расческу – темно-зеленого цвета, с массивной деревянной ручкой.

– Это ваша? – спросила она и, не дожидаясь ответа, положила расческу на стол. Присутствующие уставились на обыкновенную расческу, как на редкостный бриллиант.

– Ну не ваша же, – сказала Таня.

Происходящий фарс начал ее раздражать. Уже полчаса она находится в этой комнате, насквозь пропахшей табачным дымом, ей задают idiotские вопросы, выворачивают ее багаж, унижают.

– Ценю тех, у кого есть чувство юмора, – Маргарет бесцеремонно стряхнула пепел прямо на разбросанные по полу вещи Тани.

– Позвольте, – произнес доселе молчавший мужчина, чрезвычайно худой и с абсолютно лысой головой. Он чем-то напоминал ящерицу, принявшую человеческий облик. Его веки дрогнули, выцветшие глаза засветились ярким огнем.

Именно в этот момент Таня вдруг поняла, что оказалась в мышеловке. Она еще не знала, какие намерения у всех собравшихся, но они враждебно настроены. Они подозревают ее в преступлении. Но что такого она совершила, только приехала к отцу за границу. Какое ей дело, что Америка и Советский Союз находятся в конфронтации и ведут «холодную войну».

Струя ледяного воздуха из кондиционера ударила Тане в затылок. Ей на мгновение показалось, что судьба безжизненными пальцами дотронулась до нее.

– Интересная штучка, повидал тысячи на своем веку, – ящероподобный мужчина говорил с придыханием, высовывая кончик языка. – И знаете, молодая леди, чем именно она интересная?

Таня замотала головой. Этот странный тип производил гипнотическое воздействие.

– Тем, что я всегда нахожу тайник. Никто не может меня провести, тем более вы.

Ручка расчески в его руках треснула. Таня не могла поверить – внутри была небольшая полость, в которой находилась крошечная вещичка, больше похожая на деталь из детского конструктора.

Маргарет Доусон издала боевой клич и, отшвырнув сигарету, которую не успела даже зажечь, схватила странную штучку.

– Вот он, микрочип. Откуда он в вашей расческе, мисс Полесская, вы можете это объяснить мне и джентльменам?

Какой микрочип? Таня ничего не понимала. Что они хотят этим сказать?

– Я не знаю, о чем идет речь, – решительно заявила Таня. – И прошу немедленно отпустить меня, вы сказали, что это обыкновенная формальность и не займет много времени.

Маргарет Доусон покачала головой и произнесла:

– Мисс Полесская, неужели вы не понимаете, что, после того как мы обнаружили в вашей расческе микрочип, и речи не может быть о том, чтобы вас отпустить.

– У вас крайне удачно получается разыгрывать из себя ничего не понимающую дурачку. Я бы, клянусь всем святым, вам поверил, если бы не это, – ящероподобный мужчина постукал раскученной расческой по столу. – Мисс Полесская, я вам откровенно не завидую. Вы знали, на что шли. Вы совершили преступление, направленное против Соединенных Штатов Америки.

У Тани закружилась голова. О чем это он? Какое такое преступление она совершила? Что за микрочип оказался в ее расческе?

– Мисс Татьяна Полесская, вы арестованы по обвинению в шпионаже. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. У вас есть право хранить молчание и связаться со своим адвокатом...

Таня не понимала смысла фраз, которыми сыпал один из агентов ФБР. Ее обвиняют в шпионаже. Неужели это происходит на самом деле? Но почему? Что такого она совершила?

– Прошу вас, мисс Полесская, – агент ФБР подтолкнул ее. Ей пришлось подняться со стула. – Пройдемте со мной.

– Я никуда не пойду, – сказала Таня.

– Не советую оказывать сопротивление, это не приведет ни к чему хорошему, – Маргарет Доусон из любезной дамы превратилась в разъяренную особу. – Татьяна, делайте, что вам говорят. Или вы хотите, чтобы мы применили силу? Вы арестованы. Вам это понятно?

– Этого не может быть, – прошептала Таня.

Маргарет, смягчившись, сказала по-русски:

– Вы, наверное, рассчитывали, что через пару часов окажетесь у себя на родине и передадите микрочип с фотографиями КГБ. Ну что же, у всех бывают провалы. Кстати, чтобы деморализовать вас окончательно, сообщу – операция «Рыжая лиса», которую затеяла ваша страна с целью получить секреты новейшей торпеды, практически с самого начала находилась под нашим контролем. Те чертежи, которые были сняты на пленку, не имеют ничего общего с реальными. Это ловушка, и вы в нее угодили, Татьяна. Сообщите нам, кто еще помимо вас принимал участие в операции, и тогда суд примет во внимание ваше сотрудничество со следствием и вы сможете рассчитывать на более мягкий приговор.

Суд примет во внимание сотрудничество со следствием... О чем это она? Прошел ровно час с того момента, как Таня оказалась в душевой комнате.

– Когда я смогу быть свободна? – упрямо произнесла она. – Я требую, чтобы меня немедленно отпустили.

– Это ваше законное право, мисс Полесская, – Маргарет Доусон, шелкнув зажигалкой, закурила новую сигарету и пустила дым в лицо девушке. – При благоприятном стечении обстоятельств вы окажетесь на свободе, дайте мне сообщить...

– Лет через сорок, – сказал агент ФБР и засмеялся.

Тане стало не по себе. Неужели они в самом деле думают, что она связана со шпионскими делами? Она приехала к отцу, не более того. Однако каким образом в расческе оказался микрочип, или как они там именуют крошечную штучку? На этот вопрос у Тани не было ответа.

– Я ничего не знаю, – сказала она.

Ей вдруг захотелось плакать. Таня едва сдержала слезы. Нет, она не позволит себе проявить слабость перед этими людьми, которые только и ждут, чтобы вцепиться в нее, как бешеные псы.

– Ваш ответ не отличается оригинальностью, – сказала Маргарет. – Ну что же, у вас будет бездна времени, чтобы изменить мнение по этому поводу. Главное, Татьяна, чтобы не стало слишком поздно. Вы ведь понимаете, о чем я веду речь?

Агент ФБР подтолкнул ее к выходу. Таня, споткнувшись, едва не упала.

– Осторожнее, вы нам еще пригодитесь, – ящериноподобный мужчина ухмыльнулся. – И до встречи на суде, милая. До встречи!

Его слова запрыгали, как мячики, в ушах Татьяны. Суд, о чем он говорит? Сегодняшний день похож на кошмар. Она не попадет на самолет, ее арестовали – или это иллюзия? Нет, она верно поняла слова агента ФБР. Она арестована... За шпионаж. Но ведь понятно, что она не имеет ни малейшего отношения ко всему происходящему, неужели эти люди этого не понимают.

– Можете не нервничать, ваш самолет давно улетел в Москву, – сказал агент ФБР, который сопровождал ее к выходу. – Нам требовались только вы, мисс Полесская.

А она-то, наивная, считала, что они хотят арестовать мифического мафиози.

– Что со мной будет? – произнесла Таня.

Агент внимательно посмотрел на нее и наморщил лоб:

– Я не знаю, принимала ли ты в самом деле участие в шпионской деятельности или нет, но мне тебя жалко. Девочка, ты оказалась необходимой жертвой, угодила в мясорубку, и, уверяю тебя, обратного пути нет. Тебе уже нельзя помочь. Я слышал о Маргарет Доусон, той самой, которая только что с тобой говорила. Жестокая баба, если она берется за какое-то дело, то пиши пропало.

– Вы обвинили меня в шпионаже, – сказала Таня. – Уверяю вас, это чудовищная ошибка, мне ничего не известно об этом микрочипе. Я дочь посла в Бертроне, сами посудите, разве я стала бы заниматься шпионской деятельностью? Какая торпеда, о чем идет речь?..

Видимо, слова Тани были такими жалобными и проникновенными, что агент сказал:

– Я не знаю, что думать. Но сама понимаешь, я только рядовой агент, который практически не имеет власти. Все, кто сидел в этой комнате, прибыли исключительно ради тебя. Если ты ни о чем не знаешь, то я тебе сочувствую. И это еще хуже, чем если бы ты была в курсе дела. Ведь тогда получается, что тебя элементарно подставили, использовали для того, чтобы перевезти через границу похищенные фотоматериалы.

Таня чувствовала, что ее силы на исходе. Они оказались на свежем воздухе, рядом со зданием аэропорта их ждало несколько автомобилей.

– Прошу, – агент указал на один из них, итальянскую полицейскую машину с зарешеченными окнами.

– Куда мы поедем? – спросила Таня.

Страх охватил ее, даже не страх, а паника. Нет, это не был фильм, это не был увлекательный детектив, написанный Юлианом Семеновым, все происходило на самом деле.

– Думаю, что в тюрьму. Девочка, ты наделала много шума по всему миру. Уверяю тебя, через час разразится такой скандал, какого не было по крайней мере лет тридцать, с тех пор, как Розенберги украли для Советов секрет атомной бомбы.

Супруги Розенберги, Таня что-то слышала об этом деле. Единственное, что она четко помнила, так это то, что их казнили на электрическом стуле. Как они могут на самом деле верить, что она причастна к этому делу? Микрочип в расческе, каким образом он там оказался?.. Отец никогда бы не пошел на подобное безумие, но ведь отец был в Москве. Кто это сделал? Слишком много вопросов, на которые нет ответов.

– Помогите! – вдруг закричала Таня. – Я не хочу, я ни в чем не виновата!

Она закричала что есть силы. Она привлекла к себе внимание, какой-то мужчина даже ринулся к ней, намереваясь помочь, но его остановил полицейский.

– Не делайте глупостей, – произнес агент ФБР. – Не советую вам продолжать, это не поможет. Садитесь в автомобиль. Или вы хотите, чтобы я применил к вам силу?

Таня безропотно подошла к автомобилю и нырнула в его железное нутро.

– Вынужденная мера, но ничего не поделаешь, – вздохнул агент ФБР.

Он достал наручники, которые защелкнулись на запястьях Тани. Девушка тяжело вздохнула. Ничего, отец ее выручит. Они поймут, что она не причастна ко всему произошедшему. Все-таки она гражданка Советского Союза, у нее есть права. Это все очень похоже на провокацию, намеренно подстроенную западными спецслужбами. Им нужен скандал, они его и делают на пустом месте.

– Вы думаете, девчонка в курсе того, что произошло? – спросил ящероподобный мужчина после того, как дверь за Таней захлопнулась.

Маргарет Доусон отрицательно покачала головой:

– Буду откровенна, вся эта история не нравилась мне с самого начала. Девчонка, и здесь поверьте моему многолетнему опыту, мало что знает или не знает вовсе. Советы никогда бы не рискнули использовать дочку посла, тем более для такой опасной миссии, как транспортировка микрочипа.

– И тем не менее они использовали, – подал голос один из присутствующих. – Операция «Рыжая лиса» провалилась. Вашингтон настаивает на том, чтобы это дело получило как можно более широкую огласку.

– Я понимаю, – сказала Доусон и смяла пустую пачку. Она курит слишком много, но работа нервная, по-другому нельзя. – Девчонка ничего не знает и не сможет вывести нас на тех, кто непосредственным образом причастен к шпионажу.

– Ну почему же, – заметил ящероподобный, скалясь в неприятной улыбке. – Не далее как полчаса назад в Неаполе был арестован некий Джузеппе Карлуччи, менеджер одного из отелей. Я более чем уверен, что Джузеппе знает обо всем больше, чем пытался уверить полицию. А в Женеве вышла осечка – мадам Новако, русская по происхождению, ужасно богатая особа, которую мы давно подозревали в сотрудничестве с русскими, успела принять яд, который носила с собой. Кто бы мог подумать, что у старухи вместо сердечных препаратов лежит ампула с цианистым калием.

– Это вся мелкая рыбешка, нам нужно знать, кто стоит за всем этим. К примеру, каким образом русским удалось получить фотографии чертежей, хотя бы эти чертежи и были полной «липой»?

– В этом им, скорее всего, помог один из их тайных агентов, и этот агент, я вынужден с прискорбием признать, занимает высокий пост. На базе полковника О'Крейли всего пару дней назад была сенатская комиссия, и у меня такое подозрение, что один из этих напыщенных господ помог Советам.

– Не может быть, – сказала Маргарет. – Сенатор Соединенных Штатов не может быть замешан в скандале подобного рода. Скоро выборы, о чем подумает рядовой избиратель. И какая разница, к какой партии принадлежит предатель, это смертельный удар по престижу нашей страны.

– Его найдут, не беспокойтесь, – заверил ее ящероподобный и на мгновение прикрыл веки. – Это не так сложно, у нас уже есть наметки. Думаю, вы правы. Сенатор не может быть пособником шпионов. Поэтому все разрешится тихо, без особой шумихи.

Маргарет внутренне содрогнулась. Тим всегда пугал ее, она знала его уже третий десяток лет и никак не могла привыкнуть к тому, что он таким безразличным тоном рассуждает о жизнях людей. Маргарет поняла, о чем он ведет речь: если в этом шпионском скандале на самом деле замешан сенатор, то изменник просто погибнет в результате несчастного случая на дороге или скоростно скончается от сердечного приступа.

– Так что делать с Татьяной? – спросила она. Ее пальцы выбивали нервную дробь по столу. – Советы поднимут вселенский хай, еще бы, мы арестовали дочь их посла и обвинили ее в шпионаже.

– У нас есть недвусмысленные указания идти до конца. Мы начинаем раскручивать в средствах массовой информации это дело, – произнес ящероподобный. Другие внимательно следили за всем, что он говорил. – Русским не отвертеться, весь мир узнает о том, что они намеревались похитить наши секреты и попались в подготовленную ФБР и ЦРУ ловушку.

– И девчонка, как всегда, станет одной из побочных жертв, – Маргарет снова закурила. Кажется, это уже третья пачка за день. Пора остановиться, это может вызвать рак. Нет, она не могла.

– Ну что поделаешь, девчонка нам нужна. Без этого что мы предъявим миру – мертвую старуху, которая, возможно, подчеркиваю, это только наши предположения, работала на русских, перепуганного итальянца, который заикается от страха при одном упоминании полиции, безымянного сенатора, который опять же мог сотрудничать с Советами, и непонятный микрочип? Нам нужен тот, кто за все ответит. И я считаю, что Татьяна Полесская идеально подходит для этой роли.

Маргарет считала себя безжалостной, но по сравнению с Тимом она – сущий ангел. Что же, у каждого своя судьба. Если в Вашингтоне решили, что так должно быть, она не станет возражать.

– Хорошо, – произнесла после короткой паузы Доусон. А про себя подумала: девочке не повезло. На нее свалят всю вину. А это грозит тюремным сроком. Возможно, пожизненным.

Резкий телефонный звонок раздался в советском посольстве через два часа. Виктор Викторович выслушал новость, с каждой секундой его лицо становилось все бледнее.

– Что произошло, дорогой? – встревожилась Алла. Наконец-то утром девчонка уехала, как хорошо, что ее тут нет. И вот – непонятный звонок с явно страшной новостью. – Все в порядке?

Полесский, обычно не отличавшийся сильным проявлением эмоций, сдавленно произнес:

– Таню арестовали.

Считая, что она что-то не расслышала, Алла взмахнула длинными ресницами и пролепетала:

– Витя, о чем ты? Она прилетела в Москву?

Вместо ответа Полесский бабахнул кулаком по столу. Алла зажмурила глаза. Она никогда не видела мужа в такой ярости.

– Ее арестовали в аэропорту, ты это понимаешь! – сказал он. – Она сейчас в руках американцев. Они уже вовсю взялись за допросы.

Алла была сбита с толку. Конечно, она не любила падчерицу, но при чем тут арест, при чем американцы. Что все же произошло?

– Дорогой, тебе надо успокоиться, это явное недоразумение.

Алла подошла к мужу и попыталась положить ему руки на плечи. Виктор Викторович оттолкнул ее и сказал:

– Алла, мне предстоит очень серьезный разговор. Прошу тебя, уйди.

И потянулся к телефонной трубке. Алла обиженно засопела. И все снова думают об этой девчонке. Интересно, в чем дело, что так расстроило Виктора?

В коридоре она попыталась задать этот вопрос Игорю. Тот только что узнал: их операция с треском провалилась. Ладно бы Таню арестовали, однако выяснилось, что американцы давно вели с ними игру и подсунули вместо настоящих чертежей фальшивки. Значит, столько чело-

век рисковали жизнями зря, вся агентура в Бертроне и Швейцарии засвечена, пятеро агентов арестованы, один покончил с собой. «Рыжая лиса» оказалась в капкане.

– Алла Сергеевна, вам лучше подняться к себе и никому не мешать, – заявил он бесцеремонным тоном. – Вы мешаете нам, неужели это до сих пор не дошло до вас!

Алла со злостью посмотрела вслед Игорю. Надо же, а еще пытался быть с ней любезным. Такой же грубиян, как и все. Алла поднялась к себе, напустила в мраморную ванну воды и со стаканом виски улеглась в теплую воду. Татьяна попала в беду – ну что же, поделом. Эта мысль согревала Аллочку. Вдруг ее как молнией поразило – а не скажется ли весь этот скандал на Викторе? Вдруг это повлияет на его карьеру.

Она не собирается уезжать из Бертрона, княжество ей так понравилось. В следующем месяце великий князь снова устраивал прием, на этот раз Аллочка собиралась блистать там. И опять Татьяна. Это просто невозможно.

Тем временем Виктор Викторович собрал у себя в кабинете экстренное совещание. Из Москвы поступило категорическое указание – все отрицать, ничего не комментировать.

– Как я понимаю, моя дочь без своего и моего ведома оказалась втянутой в черт знает какую историю, – тихим голосом говорил Полесский. – Ее сделали курьером, который должен транспортировать украденные материалы. Я так этого не оставлю, вы понимаете?

– Виктор Викторович, советую вам не спешить с выводами, – заметил Игорь.

Он в собранной позе сидел перед посланцем. Ему здорово достанется за то, что операция провалилась. Но что поделать, он в этом не виноват. Виноваты те, кто не понял, что американцы «ведут» их уже два года.

– Шенок, да как ты со мной разговариваешь! – сорвался Виктор Викторович. – Ты понимаешь, что моя единственная дочь оказалась у этих головорезов? Что теперь делать, кто ее вытащит из этой передраги?

– Вам не стоит так беспокоиться, – произнес Игорь. – Вашей дочери ничего не грозит. Наша организация о ней позаботится. Виктор Викторович, не забывайте, вы всего лишь посол в княжестве Бертранском, не более того. У вас свои обязанности, у меня – свои.

Виктор Викторович опустил в кресло. У него прихватило сердце. Он должен что-то предпринять, но не может, он связан по рукам и ногам.

Дверь бесшумно отворилась, и появился один из сотрудников отдела шифровки. Он положил перед Полесским новое сообщение из Москвы. Виктор Викторович пробежал его глазами.

Так и есть. Никогда не следует надеяться на чудо.

– Отпечатки пальцев... Давайте руки, да не так же, это не больно!

Таня послушно протянула ладони, которые обильно смазали черной краской и приложили затем на плотную бумагу. Она оказалась в тюрьме. Здесь было вовсе не так мрачно, как она себе представляла.

Фотографии анфас и в профиль. Таня заметила быстрые любопытные взгляды, которые на нее бросали служащие тюрьмы. Похоже, она стала знаменитостью.

– Вас поместят в отдельную камеру, – сказал агент ФБР. – Есть ли у вас какие-либо пожелания?

О да, как можно скорее оказаться в самолете, который мчится в Москву. Таня подумала, что давно уже была бы в столице. Но все повернулось иначе. Она в итальянской тюрьме.

– Я желаю поговорить со своим отцом, – сказала Таня. – Я знаю, что имею на это право.

– О'кей, – согласился агент. – Вы сможете с ним поговорить. Адвоката, как я понимаю, у вас нет. Что же, рад был познакомиться, мисс Полеская.

В подобной ситуации такая фраза звучала как издевательство.

– Шевелись, дорогуша, – раздался над ее ухом хриплый голос.

Она заметила полную надзирательницу, облаченную в темно-синюю юбку и светлую блузку необъятных размеров. Глаза-щелочки тюремщицы светились равнодушием и презрением. Таня немного понимала по-итальянски.

– Вперед, – сказала надзирательница.

Они пошли по коридору. Несмотря на трагизм ситуации, Таня не смогла сдержать удивления – тюрьма была старая, с потрескавшимися стенами и истертым от сотен тысяч шагов полом. Они прошли несколько поворотов и остановились перед массивной железной дверью.

– Вот твоя камера. – Надзирательница открыла дверь. – Проходи. И смотри у меня, я не терплю, если что-то не в порядке.

Затем она добавила несколько фраз, которые Таня не поняла. Дверь захлопнулась за ней с оглушительным треском, лязгнул замок и засовы.

Таня все еще не могла поверить, что она в тюрьме. Присела на деревянный настил, поверх которого лежало одеяло и грязноватое постельное белье. Из скособоченного умывальника, насквозь проржавевшего, капала вода с мерными промежутками. Тане стало страшно. Она что, проведет здесь ночь?

А если не только эту ночь? Если ее признают виновной? Но ведь она ничего не сделала. И почему ей не разрешают переговорить с отцом. Он все-таки не последний человек, посол в Бертроне, у него есть знакомые и друзья в Москве, которые занимают ответственные посты.

Она ринулась к двери, которая изнутри была обита войлоком или чем-то подобным, и что есть силы закричала:

– Откройте, я хочу поговорить по телефону.

Реакции не последовало. Таня ударила по двери, затем еще раз и еще. Наконец, она стала бить ногами и руками. Она с самого начала вела себя неверно. Нельзя было выходить из самолета, почему она поддалась на эту детскую уловку? А вдруг Маргарет или напоминающий спящего варана старик подсунули ей микроchip? Так и есть, они обвинили ее в преступлении, к которому она не имеет ни малейшего отношения.

– Ну чего тебе? – в «глазок» на нее уставилась толстуха-надзирательница. – Чего орешь, я же тебе сказала, если начнешь буянить, то не получишь обеда.

– Мне нужно переговорить с послом, – закричала Таня.

Отчаяние закрадывалось в ее сердце. Она не хочет провести в этой камере остаток жизни.

– С послом она хочет поговорить, вы только на нее посмотрите, – надзирательница захлопнула оконце.

– Я гражданка Советского Союза, у вас нет никаких прав удерживать меня здесь, – продолжала Таня. – Прошу вас, мне необходимо поговорить с послом, это очень важно!

Надзирательница снова распахнула окошко и прошептала заговорщицки:

– А ты что, правда шпионка? Вот это да, я еще ни разу не видела шпионов. Ты ведь русская. Надо же...

– Я вас очень прошу.

Таня запнулась. Ее знаний итальянского не хватало, чтобы выразить все, что кипело у нее в душе. Но то ли эмоции были написаны на ее лице, то ли итальянка оказалась сердобольной, но в итоге тюремщица произнесла:

– Я тебе ничем помочь не могу, телефон у нас только в кабинете директора тюрьмы. Если хочешь, я могу ему доложить, что ты желаешь с ним переговорить. Но учти, это все, что я могу для тебя сделать. И не ори, а то мне за тебя влетит. Мне вообще велели с тобой не разговаривать, сказали, что ты опасная преступница. А ты скольких человек убила?

Таня в изнеможении опустила на деревянный настил. Что же, разговор с директором тюрьмы лучше, чем ничего. Во всяком случае, она была уверена, что отец уже пытается ее освободить. И ее страна ни за что ее не оставит. Она не шпионка, это же очевидно.

Тюремщица не обманула, минут через двадцать – Таня точно не знала, который час, потому что часы, как и другие предметы, у нее отобрали, – появился начальник тюрьмы. Импортантный, с седой бородкой и ласковыми манерами, он чем-то напоминал добродушного семейного доктора, который всегда готов прийти на помощь. Он был одет в щегольской полосатый костюм, а в галстук сияла звездочка бриллианта.

– Синьора Полесская, – сказал он по-английски, войдя в камеру, – мне доложили, что вы желаете со мной говорить. Если вы не против, мы побеседуем с вами по-английски, увы, русским я не владею. Я – Батисто Пачелли, директор данного заведения. У вас есть жалобы?

– Господин Пачелли, я не понимаю, почему мне отказывают в праве поговорить по телефону с советским послом.

– О, синьора Полесская не так поняла! – Директор развел пухлые бледные ладони. – У вас есть такое право, как и у любого иностранного гражданина, который волей судеб оказался здесь. Впрочем, ваше желание явно избыточно, господин советский посол позвонил из Рима и сказал, что вылетает к нам, он желает лично опекать вас.

Таня немного успокоилась. Ее не бросили в беде, ей хотят помочь. Но все же ей так хотелось увидеть отца.

– Господин Пачелли, – произнесла она. – Могу ли я поговорить со своим отцом, он – посол в Бертроне.

– О да, синьора Полесская, – директор погладил бородку. – Я помню восторженные заметки газет, которые восхищались вашим успехом на приеме у князя Клода-Ноэля. Я знаю, что ваш отец – посол Советского Союза в соседнем крошечном княжестве. К сожалению, я не могу позволить вам переговорить с ним, но обещаю вам, вы можете передать мне все, что считаете нужным, и я лично позвоню господину Полесскому.

– Я вам очень признательна, – сказала Таня. Надо же, начальник тюрьмы оказался вполне приветливым и милым человеком.

– Что вы хотите передать вашему отцу? – спросил синьор Пачелли, и в его глазах загорелись недобрые огоньки. – Прошу вас, Таня, я выполню вашу просьбу.

Татьяна поняла – добрый директор тюрьмы хочет выведать у нее шпионские секреты. Надо же, полагает, что будь она шпионкой, она стала бы звонить своим боссам, находясь за решеткой.

– Я все же полагаю, что у меня есть право сделать один звонок. И я хочу видеть посла как можно быстрее.

Господин Пачелли осклабился и поправил безупречно сидящий галстук.

– Вы можете много чего полагать, синьора Полесская, но от меня зависит все в тюрьме, вы это должны усвоить.

Галантный синьор испарился, перед ней стоял жестокий и циничный человек.

– Я не думаю, что вы задержитесь в моем заведении, я бы и не хотел иметь подобного заключенного. Вы доставляете всем слишком много хлопот. Из-за вас мне пришлось подняться сегодня в три часа ночи. Из-за вас я имел напряженный разговор с министром юстиции и премьер-министром. Американцы надели на меня со всех сторон. Они хотят вашей крови, запомните это, Татьяна.

Затем синьор Пачелли вновь улыбнулся и превратился в любезного старикана.

– Если у вас больше нет пожеланий, то я могу удалиться. И прошу вас соблюдать принятые в моей, запомните, в моей тюрьме правила внутреннего распорядка. Мне велели обращаться с вами корректно, что я и делаю.

Таня вновь осталась одна. Крошечное оконце, около самого потолка, выходило в тюремный двор. Таня уселась на деревянный настил, ей вдруг ужасно захотелось спать. Силы были на исходе. Она в тюрьме, ее обвиняют непонятно в чем, но ей наплевать.

Она проснулась от сильного стука. Около двери стоял поднос с несколькими мисками. По всей видимости, пришло время обеда. Кормили в тюрьме, вверенной заботам синьора Пачелли, не так уж плохо.

Таня поела и вновь попыталась заснуть, но на этот раз сон не шел. Она прислушивалась к шорохам за железной дверью, с улицы доносились отдаленные гудки автомобилей, шелест большого города, веселые крики детей. Надо же, жизнь продолжалась, она остановилась только для нее.

Нет, не остановилась. Она не сдастся, всегда нужно сопротивляться обстоятельствам, какими бы невероятными они ни были. Таня твердо помнила это правило, ведь именно отец учил ее этому. Но почему его нет? Он давно должен быть здесь, вызволить ее.

Затрещал замок, дверь открылась. Тюремщица, бросив на Таню суровый взгляд, произнесла:

– Прошу вас, господин посол.

Вслед за ней в тюремную камеру шагнул невысокий сухопарый мужчина в темно-сером костюме, Олег Степанович Измайлов, хороший знакомый ее отца, посол Советского Союза в Италии. Таня дружила с его дочерью и была когда-то давно, лет в тринадцать, влюблена в его старшего сына, который работал теперь в Канаде.

Олег Степанович дождался, пока надзирательница выйдет прочь, и сказал:

– Добрый день, Танюша, как дела?

Услышав его голос, Таня всхлипнула. Ей внезапно стало обидно и больно на душе.

– Не плачь, не плачь, – сказал Измайлов. – Все хорошо, я тебе обещаю, что все будет хорошо.

Таня подняла на него заплаканные глаза. Что-то в его тоне, слишком бодром и фальшиво-уверенном, ей не нравилось. Олег Степанович по-прежнему стоял у двери.

– Я потребую, чтобы тебе предоставили другую камеру. Причем немедленно.

– Олег Степанович, – Таня вжалась в холодную бетонную стену, – о чем вы говорите? Я хочу знать, когда я смогу покинуть тюрьму. И где мой отец. Он в курсе, вы с ним говорили?

– Конечно же, твой отец в курсе, – сказал Олег Степанович. – Я с ним говорил, Таня, он скоро будет здесь.

Возникла неловкая пауза. Измайлов, переминаясь с ноги на ногу, осматривал тюремную камеру.

– Таня, я думаю, тебе нужно знать, – произнес посол. – То, в чем тебя обвиняют... Это очень серьезное преступление.

– Я ничего не совершала, – твердо сказала Таня. – Олег Степанович, вы ведь меня знаете, знаете моего отца. Я понятия не имею, о чем идет речь, американцы заявляют, будто я занималась шпионажем. Но это просто смешно.

– Конечно же, Танюша, конечно, ты полностью права, – сказал Измайлов. – Поверь, посольство окажет тебе посильную помощь, мы тебя отсюда вытащим. Это подлая провокация.

– Когда, Олег Степанович? – спросила Таня.

Измайлов отвел глаза:

– Очень скоро, поверь мне. Нужно только немного подождать. Эту ночь ты проведешь в тюрьме, а завтра... Я тебе обещаю, что завтра ты снова окажешься на свободе. Самолет доставит тебя в Москву, ты забудешь об этом происшествии, как о страшном сне.

Как же Тане хотелось, чтобы слова Олега Степановича сбылись как можно скорее. Измайлов, произнеся еще несколько утешительных фраз, сказал:

– Таня, мне пора. Всего хорошего.

Покинув тесную тюремную камеру, Измайлов вытер со лба пот. Он не любил врать, в особенности когда приходилось обманывать своих близких, а Таню Полесскую он считал почти дочерью. Но не мог же он сказать девушке, что положение более чем серьезное. Всего несколько

часов назад, незадолго до экстренного вылета из Рима в Геную, он имел тяжелый разговор с Москвой. Ему дали понять, что Таня Полесская – жертва и помочь ей нельзя. Он должен успокоить ее, пообещать, что скоро все закончится, и тем самым бросить на произвол судьбы.

Олег Степанович прекрасно знал Виктора Полесского, тот никогда бы не разрешил использовать дочь для транспортировки похищенных фотоматериалов. Значит, действовали без его ведома. Измайлов мог только посочувствовать Полесскому. Ему и Тане не повезло. На их месте мог оказаться любой.

За долгие годы работы на дипломатическом поприще Олег Степанович усвоил одну неизблемую истину – он обязан подчиняться всем приказам, которые отдает начальство. Скандал, который только начинал раскручиваться, обещал стать оглушительным. Еще бы, дочь советского посла арестовали в аэропорту, обнаружили в ее багаже микрочип с тайно сделанными на американской базе фотографиями, поместили в тюрьму. Хуже всего, что в происшествии замешаны интересы американцев. По собственному опыту Олег Степанович знал, что они никогда не спускают подобные дела на тормозах, а всегда идут до победного конца.

Девочке не повезло. Олег Степанович жалел Таню, в то же время радуясь, что беда обошла его стороной. Не повезло и Виктору Полесскому. После всего случившегося ему недолго оставаться послем в Бертроне. Виктор рвется в Геную, но ему категорически запретили видаться с дочерью.

Всего этого Таня, разумеется, не знала. Оставшись одна, девушка прошла по камере. Олег Степанович не мог ее обманывать, отец скоро окажется здесь, а завтра она будет на свободе. Как хорошо, что это дикое происшествие подходит к концу.

Она окончательно успокоилась. Прошел час, однако отец не появлялся. Таня знала по собственному опыту, что путь на автомобиле из Бертрона в Геную занимает не более трех часов. Отец наверняка вылетел на самолете. Он уже здесь и с минуты на минуту окажется у нее в камере.

Дверь камеры снова запахнулась. Таня вскочила с деревянного настила. Появилась новая надзирательница, рыжеволосая, со злобным взглядом. Отец приехал, он сейчас войдет сюда, она сможет его обнять!

Каково же было разочарование Тани, когда вместо отца появился незнакомый мужчина, достаточно молодой, с хитрым взглядом.

– Госпожа Полесская, – произнес он на неплохом русском с чуть грациозной «эр». – Пройдемте со мной, пожалуйста.

Так и есть, отец приехал, но он хочет видеть ее не в камере, а в помещении для свиданий. Или, может, все разрешилось. Он приехал ее забрать!

Они снова прошествовали по коридорам, поднялись на второй этаж, оказались в крыле, где располагались кабинеты. Надзирательница следовала позади Тани, девушка чувствовала ее тяжелый взгляд.

– Прошу вас, – произнес незнакомец, остановившись около серой двери. – Вы можете идти, – сказал он надзирательнице. Та беспрекословно подчинилась. Мужчина галантно пропустил Таню вперед. Они оказались в небольшой комнате с письменным столом, несколькими креслами и занавешенным портьерами окном. Обстановка была скудная, явно казенная. На стене тускло поблескивало большое зеркало.

– Садитесь, – сказал мужчина и прошел к столу. – Меня зовут Роджер Ли. Я представляю ваши интересы, госпожа Полесская.

– Я не понимаю, что происходит, – произнесла Таня с удивлением.

Она была разочарована. Нет, сказать, что она была разочарована, значит пойти против истины. Она ожидала увидеть отца, а место этого перед ней восседает самоуверенный американец, который заявляет, что собирается представлять ее интересы.

– Таня, – сказал Роджер Ли вкрадчивым голосом, – вы, скорее всего, не понимаете, в какой истории оказались замешаны. Вас обвиняют в шпионаже, направленном против Соединенных Штатов. Это значит, что если вас признают виновной, то вам грозит многолетнее тюремное заключение. Я здесь для того, чтобы помочь вам избежать этого. Вам требуется опытный адвокат, и я могу сказать, что являюсь таковым.

– Я хочу увидеть отца, – упрямо произнесла Таня.

Она опустилась в кресло, которое оказалось жестким и неудобным. Роджер Ли, скрестив руки на груди, с непонятной улыбкой триумфатора смотрел на Таню.

– Неужели господин посол Измайлов, который был у вас незадолго до моего визита, не поставил вас в известность? – спросил адвокат. – Я думал, что вы в курсе последних событий...

Таня подалась вперед:

– Расскажите, что произошло. Олег Степанович заверил меня, что завтра я окажусь на свободе и мой отец уже выехал в Геную.

Роджер Ли скривился:

– Узнаю типичного дипломата – много слов, и ни одно из них не является правдой. Таня, положение очень серьезное, я не собираюсь скрывать это от вас, я все-таки ваш защитник. Против вас выдвинуто обвинение, которое может привести вас в камеру на долгие годы, может быть, до конца жизни. Американская сторона готова идти до конца. По Би-би-си уже объявили, что в Генуе задержали советскую шпионку.

– Я никакая не шпионка, сколько нужно это повторять, – в сердцах воскликнула Таня. – Я не имею ни малейшего отношения ко всему, что произошло.

Роджер Ли ответил:

– Охотно вам верю. Я обязан вам верить, и меня, если честно, вовсе не интересует, виновны вы или нет. Я исхожу из того, что вы моя клиентка и, соответственно, имеете право на защиту. Но процесса не избежать. Советская сторона заявила решительный протест по поводу вашего ареста, но при этом, что очень важно, не подтвердила и не опровергла подозрений в том, что вы являетесь шпионкой. Но это не меняет сути дела. Для суда требуются доказательства, а доказательств того, что вы пытались вывезти из страны секретную информацию, являющуюся собственностью Соединенных Штатов, более чем достаточно.

Таня попыталась что-то сказать Роджеру Ли и обнаружила, что у нее сел голос. Адвокат любезно предложил ей стакан с минеральной водой.

– Не волнуйтесь, – произнес он. – О том, что мы с вами обсуждаем, никто не узнает. Я приложу все усилия, чтобы выволить вас из тюрьмы, поверьте мне, на карту поставлена моя профессиональная репутация.

Таня про себя усмехнулась. Он что, не понимает, что на карту поставлено нечто большее – ее свобода и жизнь? Роджер Ли обещает ее выволить, но это же обещание она слышала и от Олега Степановича. Измайлов не мог ее обмануть, отец уже здесь.

Но если отец прибыл в Геную, то почему он не с ней? Он ведь знает, как он ей нужен. Больше всего на свете. Он – единственный человек, которого она любит. Внезапно Таня подумала об Игоре. Игорь тоже знает о произошедшем, ей бы очень хотелось, чтобы он был рядом с ней.

– Я могу кратко обрисовать вам сложившуюся ситуацию, – продолжил Роджер Ли. – Вы оказались в незавидном положении, Таня. Честно говоря, кто-то очень постарался, чтобы на вас пала вина. Думаю, это кто-то из ваших спецслужб. Да-да, я понимаю, что вы не имеете к ним ни малейшего отношения. Но это типичный почерк подобных организаций – использовать ничего не подозревающих людей для достижения собственных неблагоприятных целей. Итак, судя по последним данным, вы предстанете перед судом...

Таня в изумлении подняла глаза на адвоката. Какой суд, она завтра же окажется на свободе.

– Но Олег Степанович мне говорил... – начала она.

Роджер Ли перебил ее и почти грубо прикрикнул:

– Забудьте о том, что говорил вам господин посол. Это ложь во спасение, я понимаю, но не одобряю подобный подход. Вам лучше знать истинное положение вещей. Вас будут судить. Америка добивается того, чтобы вы были экстрадированы в Соединенные Штаты. Эта процедура может затянуться на месяцы, может быть, даже на несколько лет. Вам предъявлено обвинение в шпионаже.

Таня слушала адвоката и понимала, что все ее иллюзии рухнули. Еще полчаса назад она была готова увидеть отца, а завтра же оказаться на свободе, но теперь... Кто же говорит правду – Олег Степанович, которого она знала многие годы, или Роджер Ли, который почему-то не внушал ей доверия? Слишком быстро говорит, как будто знает, чем все закончится. Она неожиданно поняла, что не доверяет им обоим. Она никому не верит.

– Но итальянский суд может и не удовлетворить это требование, в конце концов, Советский Союз является второй супердержавой, а вы – гражданка Советского Союза. Но не рассчитывайте, что ради вас будут ломать копья. Вы, Татьяна, пешка, которой пожертвуют в сложнейшей шахматной партии, разыгрываемой на мировой арене. Так, великий князь Бертранский Клод-Ноэль заявил уже, что арест был произведен незаконно. Я не думаю, что это будет иметь какие-либо последствия, но он, кажется, на вашей стороне. Вы очаровали его...

Роджер Ли ухмыльнулся и продолжил:

– Во всяком случае, нам придется готовиться к серьезной обороне. Я как ваш адвокат...

– Господин Ли, но кто назначил вас моим защитником? – спросила Таня.

Вопрос сбил адвоката с толку, он даже на мгновение растерялся.

– Понимаете, госпожа Полесская, у каждого обвиняемого должен быть адвокат. Или я вас не устраиваю?

– Ну почему же, мне только хотелось бы знать, почему именно вы защищаете меня. Я хочу, чтобы у меня был адвокат из моей родной страны. Вы же американец, не так ли? А если я нахожусь в Италии, то это должен быть по крайней мере итальянец.

Роджер Ли сузил глаза. Эта крошка не такая наивная дурочка, какой кажется на первый взгляд.

– Госпожа Полесская, вы имеете полное право отказаться от моих услуг, – он попытался изобразить незаслуженно оскорбленного. – Советский адвокат в Италии – вещь неслыханная. Я защищаю вас, потому что свободно говорю по-русски, моя бабка была родом из России.

– Хорошо, – вздохнула Таня. – Расскажите, что произойдет со мной. Вы же должны знать, не так ли, господин Ли?

– Думаю, ближайшие несколько дней вы проведете в этой тюрьме. – Ли воспрял духом. – Я не могу знать, какой договоренности достигнут США и Советский Союз относительно вас. Кстати, я захватил вечерние газеты, не хотите ли ознакомиться с ними?

Он открыл портфель и достал из него стопку газет. Таня полюбопытствовала. Что же, когда о ней писала бертранская пресса, то было хотя бы приятно, а теперь... На первых полосах – ее фотография, которую некий репортер сделал в аэропорту. Размытое изображение – она сходит с трапа самолета в сопровождении двух агентов ФБР. Таня и не могла подумать, что она так выглядит – голова опущена, волосы растрепаны. Заголовок, пропечатанный аршинными черными буквами, кричал: «Советская шпионка задержана в Генуе. Дочь русского посла работает на КГБ. Она пыталась похитить секреты американцев!».

Таня вчиталась в текст. Бред, да и только. Она узнала о себе много нового – например, то, что она была любовницей (по слухам, осторожно добавляла газета, не желая быть привлеченной к суду за клевету) великого князя Клода-Ноэля, а в России прошла подготовку в двух элитных разведывательных школах. Ее отец, могущественный советский босс, именно такое выражение использовал журналист, является одним из влиятельнейших людей в коммунистической

империи, и арест его единственной дочери может поставить мир на грань Третьей мировой войны. Таня даже невольно улыбнулась – какую только чушь не придумают!

– Вам нравится? – спросил Роджер Ли. – Другие газеты пишут еще хуже. Создается впечатление, что это чей-то заказ.

– Меня изображают этаким Мата Хари, – произнесла Таня, возвращая адвокату газеты. – Вы в состоянии что-либо предпринять?

– Я попробую выступить с заявлением, – сказал защитник. – Два телеканала уже предлагали мне выступить и кратко обрисовать ситуацию. Это в ваших интересах, Таня, вы должны это понимать...

Все пекутся о ее интересах, подумала Татьяна. Слишком много людей заботятся о том, чтобы вытащить ее из тюрьмы, и пока что ничего не получается.

– Я не думаю, что с этим стоит торопиться, – ответила она. – Что еще, господин Ли?

Тот замялся и протянул:

– Э... У меня был разговор с командой юристов из Штатов, с теми самыми ребятами, которые специально прибыли, чтобы разорвать вас в клочья. Так вот, они предложили: если вы сознаетесь, то реально будет идти речь о сделке. Ну, вы понимаете, в обмен на ваше признание вы получаете меньший срок.

– Я же говорила, что я ни в чем не виновата. Вы же мой адвокат и должны делать так, как я скажу. Или я ошибаюсь?

– Именно так. – Роджер Ли надел очки в тонкой никелевой оправе. – Но поверьте мне, иногда лучше признаться в том, чего не совершал. В таком случае срок не будет большим, всего несколько лет. Вполне возможно, что вас обменяют на кого-нибудь из советских диссидентов или политических заключенных, и вы вскоре окажетесь на родине.

Но почему она ему не верит? За последние сутки Таня поняла: никогда не надо соглашаться с тем, что тебе навязывают. Роджер Ли хочет, чтобы она признала себя виновной. Таня не терпела, когда ей навязывали чужое мнение. С какой стати она должна признаваться в преступлении, которого не совершала.

– Таня, вы, видимо, не до конца понимаете, что с вами произойдет, если вас признают виновной, – продолжал Роджер Ли. – Я не принадлежу, увы, к сонму топ-адвокатов, которые купаются в лучах славы, вызволяют, подобно Перри Мейсону, клиентов из любых переделок и загребают астрономические гонорары. Я – обычный законник, не особо удачный, но тем не менее хорошо устроенный в жизни. Поэтому нужно использовать любую возможность, тем более обвинение само идет на уступки. Мы обговорим с вами цену за то, что вы подпишете некоторые документы. Процесса как такового не будет, вы получите определенный тюремный срок, без этого, к сожалению, никак нельзя...

– И что произойдет дальше? – спросила Таня.

Роджер Ли дернулся, вопрос застал его врасплох. Адвокат походил на автомобилиста, который неожиданно на большой скорости увидел, что выехал на встречную полосу, а на него движется бензовоз.

– Дальше... – сказал он. – Вы отправитесь в тюрьму, Таня, но поверьте мне, это будет всего несколько лет, мы обговорим с вами детали. Так будет лучше для всех.

– Нет, – четко произнесла Таня. – Для меня это не лучший выход. Я не собираюсь признавать себя виновной.

– Никто не заставляет вас принимать скоропалительные решения. – Роджер Ли моментально пошел на попятную. – Это один из вариантов, не более того. Но я советую вам хорошо поразмыслить.

Таня подняла на адвоката большие глаза, в которых светились уверенность и упрямство:

– Я не верю в то, что американские юристы, которые, по вашим же словам, прибыли сюда, чтобы уничтожить меня, позволят мне так легко отделаться. Я невиновна, именно из этого я и буду исходить. И мне все равно, мистер Ли, с вашей помощью или без нее, но я добьюсь правды.

Адвокат поднялся из-за стола, бросил взгляд на зеркало, занимавшее практически всю стену, и сказал:

– Хорошо, госпожа Полесская, я думаю, на сегодня достаточно. Вы устали, вам требуется отдых. Я переговорил с господином Пачелли, директором тюрьмы. Вы уже встречались с ним. Он согласился с тем, что у вас должны быть более комфортабельные условия. Вас переведут в другую камеру.

– А что, в итальянских тюрьмах, как в отелях, камеры делятся на первый, второй и третий класс? – Таня чувствовала себя разбитой, Роджер Ли прав, она чертовски устала, но не смогла удержаться от саркастического замечания.

– Поверьте мне, тюрьмы везде одинаковы, в том числе и на вашей родине. Именно поэтому моя бабка бежала из Одессы в девятнадцатом году, – Роджер Ли нажал на кнопку звонка, через пару секунд возникла надзирательница.

Таня вышла в коридор. Роджер Ли не обманул – ее новая камера разительно отличалась от той, где она провела целый день. Чистая, даже уютная, если такое слово подходит к тюремной камере, с удобным подбием кровати, небольшим столиком, телевизором и даже крошечным букетом фиалок. Последний штрих окончательно рассмешил Таню – еще бы надпись «Добро пожаловать», и комната стала бы похожа на подмосковный пансионат. Таня вздохнула. Усталость растеклась по всему телу. Пора немного отдохнуть. Мысли в ее голове спутались, она зевнула. Завтра она увидит отца, завтра она обязательно добьется этого.

– Ну как вам Татьяна? – произнесла Маргарет Доусон, которая наблюдала и слушала весь разговор, происходивший между Роджером Ли и Таней. Она находилась в комнате, смежной с той, где беседовали адвокат и Полесская. Большое зеркало с другой стороны на самом деле было обыкновенным стеклом, и это открывало великолепный вид на все, что происходит в соседнем кабинете.

Тихо стрекотали камеры, которые фиксировали каждое движение, мощные магнитофоны с тихим шелестом мотали пленку, на которой отпечатывался каждый звук.

Роджер Ли оглянулся в поисках сигареты, заметил на столе пачку Маргарет, вытащил сигарету, зажег и с наслаждением затянулся.

– Тяжелый случай, – произнес он. – Они что, не могли выбрать на эту роль кого-то другого? Дочь посла, притом совершенно очевидно, что она не имеет ко всему делу ни малейшего отношения. Совсем не дура.

Маргарет скривилась:

– Я смотрю, она тебе приглянулась. Но не я выбирала ее на эту роль. Всей операцией руководит Тим.

Роджер с отвращением вспомнил лысого ящероподобного Тима – никто толком не знал, к какой именно спецслужбе он принадлежит и какое имеет звание. Может быть, он вообще гражданский человек.

– Девчонку в качестве курьера использовали русские, нам были даны четкие указания – задержать любого, у кого окажется микрочип. Даже посла.

– Откуда вы узнали, что микрочип у нее? – Роджер посмотрел сквозь стекло на пустую комнату. Маргарет права, Татьяна ему понравилась. Роджер вспомнил, что его бабка все время твердила – жениться надо на русской! Родители Роджера, наоборот, старались выглядеть сто процентными американцами, как будто их предки прибыли на континент еще в семнадцатом веке. Неблагозвучную и совершенно неудобоваримую для англосаксонского уха фамилию Лимяшенко они сократили до Ли, а Роджера вопреки настойчивым просьбам бабки, назвали не русским, а типично американским именем.

Татьяна... Роджер сразу вспомнил «Евгения Онегина». Что же, Полесская могла бы сыграть Татьяну Ларину – и лицом, и характером похожа.

– Девчонка упряма, и у нее есть мозги, – сказал он. – Вряд ли мне удастся ее убедить признать себя виновной. Тиму следует знать, что...

– Что мне следует знать? – раздался шелестящий, похожий на звук проползшей в траве змеи голос.

Роджер едва не выронил сигарету и обернулся. Тим, как всегда, незаметный, расположился в темном углу, в глубоком кресле. Его глаза в темноте поблескивали, по крайней мере, Роджер готов был поклясться, что это именно так. Не человек, а рептилия, тропическая змея, которая маскируется в листве, а сама норовит впиться вам в шею и впустить смертоносный яд.

– Так что мне следует знать, Роджер? – Тим повел ящероподобной головой.

Только сейчас Роджер понял, что Тим вовсе не старик, едва ли больше сорока, однако он выглядит на все шестьдесят. Бледная одутловатая кожа, бесцветные глаза, обескровленные губы. О Тиме никто ничего не знал, даже имя, скорее всего, было вымышленным. Он являлся одним из самых блестящих аналитиков в стране. Ходили слухи, что его мозги разработали множество операций, практически за каждым крупным политическим скандалом, сменой президента в банановой республике и секретными международными переговорами стоял Тим. Его боялись, ненавидели, презирали и завидовали. Никто не знал, есть ли у него жена и дети. Вряд ли – какая женщина согласится жить рядом с человекоподобным вараном. Он зарабатывал огромные суммы, но всегда появлялся в одном и том же слегка помятом костюме и неброском галстуке. Единственное, что бросалось в глаза, это туфли из змеиной кожи, стоимостью никак не меньше тысячи долларов.

– Тим, я тебя не заметил, – пробормотал Роджер. Он знал, что Тим всегда в курсе всего происходящего, ему удастся появляться в самый неподходящий момент и услышать самый конфиденциальный разговор.

Тим прикрыл черепашьи веки и произнес тихим голосом:

– Ты хочешь знать, откуда мне стало известно, что Татьяна Полесская повезет в ручке своей расчески микрочип? Роджер, ты участвуешь в операции вовсе не для того, чтобы совать нос в дела, которые тебя не касаются. Запомни – твое дело склонить девушку признать себя виновной. Если получится, великолепно, не получится, будешь ее защитником на процессе. Тебе все понятно?

Роджер кивнул головой. Он, как мальчишка, выслушал все, что говорил Тим, его сковал непонятный страх. Он мог бы и сам сообразить, что у Тима есть осведомитель в русском посольстве.

– Тогда я тебя не задерживаю.

Тим открыл глаза и уставился на Роджера немигающим взглядом. Адвокат ретировался. Маргарет молча наблюдала за разыгравшейся сценой и курила сигарету за сигаретой. Ей давно пора остановиться, но она не может.

– Ну что, Маргарет, – Тим оказался у нее за спиной, и Доусон почувствовала инстинктивный страх и отвращение, какие испытываешь, когда по тебе ползет паук. – Мы вместе с тобой разделаемся с девчонкой. Она ведь шпионка. Она – из России, а именно эта страна угрожает всему миру.

Маргарет отошла в сторону. Она не раз замечала, что Тим проявляет к ней интерес. Неужели этот варан еще с кем-то спит? Представить его в постели было выше ее сил.

– Ты сегодня не поужинаешь со мной? – спросил Тим. – Я хочу отметить удачное завершение операции.

– Нет, – слишком поспешно ответила Маргарет. Тим снова прикрыл глаза. Он понял, что она отвергает его. – Я сегодня не могу, Тим, извини.

– Ничего, – прошептал Тим. – Как-нибудь в другой раз...

Он походил на паука, который плетет сложнейшую паутину. Муха от него не улетит, это пустая иллюзия. Маргарет подумала, что иметь Тима своим врагом верх безумия. Он – страшный человек.

Маргарет поспешно распрощалась и вышла. Тим остался один. Он в задумчивости сидел в темном углу и прокручивал в памяти малейшие детали. Голова его походила на компьютер, из разрозненных деталей он собирал головоломку. Тим гордился тем, что делает нереальное реальным. О, если бы широкая общественность знала, какие именно операции он разработал. Нет, он пользовался заслуженной славой в Пентагоне и ЦРУ. Тима это устраивало. Он с самого детства стремился к власти.

Они правы, девчонка крепкий орешек. Но кто она по сравнению с ним? Она ему нужна, чтобы завершить это дело. Используя Татьяну, он организует международный скандал. Советы уже заявили, что не потерпят вмешательства США в свои внутренние дела. Что же, это право товарища Андропова делать такие заявления. Люди, на которых работал Тим, хотят, чтобы весь мир знал – Советский Союз не брезгует никакими средствами, чтобы похитить чужие тайны.

...Таня проснулась в камере и вначале никак не могла сообразить, где она находится. Постепенно она поняла – это итальянская тюрьма. Воспоминания, как морские волны, накатывали одно за другим. Она могла быть в Москве...

Завтрак оказался вполне сносным – кофе, яичница, круассан и немного малинового джема. Таня умылась и уселась на кровать. Судя по всему, сейчас около восьми утра. Мысли у нее прояснились. Самое главное – не поддаваться панике. Никаких истерик, подобно той, которая случилась с ней вчера, она не будет кричать и звать на помощь. Нужно быть максимально собранной.

– Так что с ней произошло, Витя? – спросила Алла, позевывая.

Она знала, что Татьяну арестовали и она находится в генуэзской тюрьме. Аллу не особо заботило то, что произошло с падчерицей. Но все-таки страшно – девчонку обвинили в шпионаже. Алла не представляла себе Татьяну в роли разведчицы.

Виктор Викторович за последние часы постарел на несколько лет. Алла даже с некоторым сожалением посмотрела на мужа. Оказывается, Татьяна для него много значит. Но что теперь будет с ней самой? Если карьера Виктора окажется под ударом из-за этой мерзавки, то она собственноручно задушит ее.

– Алла, оставь меня, пожалуйста, – произнес Полесский.

Он сидел за большим столом. Обычно аккуратный, сейчас он не обращал внимания на то, что бумаги, многие из которых ни в коем случае не должны были попасть на глаза посторонним, раскиданы по его кабинету. Виктор Викторович никак не мог собраться с мыслями. Новость о том, что Таня арестована и ей предъявлены самые серьезные обвинения, обрушилась на него, он не мог в это поверить. Но это правда.

Ему позвонили из Москвы и сказали, что он ни в коем случае не должен ничего комментировать и тем более ездить к дочери в Геную. Виктор Викторович знал – положению Татьяны не позавидуешь. Что с ней будет?

Если вначале он пытался требовать, умолять и даже угрожать, то теперь он чувствовал, что силы его на исходе. Ему так хотелось услышать голос дочери, но это было запрещено. Он представляет Советский Союз, заявили ему, и любой его поступок, вроде бы самый незначительный, может сказаться на имидже страны.

Но ему не было дела до имиджа страны. Он отдал столько лет жизни дипломатии и все ради того, чтобы в один ужасный момент узнать, что страна, в идеалы которой он безоговорочно верил и продолжает верить несмотря ни на что, отказывается от его дочери.

Как же они не понимают, что Татьяна для него дороже всего на свете. Виктор Викторович взглянул на Аллу. Как всегда, великолепно и со вкусом одетая, молодая супруга, сделав вид, что его фраза к ней не относится, уселась в глубокое кожаное кресло напротив Полесского.

– Витя, – протянула она с придыханием. Она прекрасно знала, что Виктор Викторович не может устоять перед ее чарами. – Витя, мой дорогой, мне нужно с тобой поговорить. Ведь Таня, и ты сам это знаешь, мне почти как родная. Мне очень тяжело видеть, что ты так из-за нее переживаешь. Я хочу помочь и тебе, и ей, милый. Позволь мне это сделать.

Алла умела врать, не краснея, она никогда не считала, что обманывать плохо.

– Спасибо тебе, – пробормотал Полесский, и на глазах у него навернулись слезы. И почему он отвергает помощь жены, ведь она его любит. Виктор Викторович обхватил голову руками. Алла подошла к нему и нежно погладила его по шее.

– Витенька, не расстраивайся, – пропела она. – Всякая ситуация, даже очень неблагоприятная, разрешится. Вот увидишь, с Таней все будет хорошо.

На самом деле Алла так вовсе не считала. Полчаса назад у нее состоялся откровенный разговор с Игорем. Когда он зашел к ней в спальню, даже не постучавшись, Алла рассердилась. Он нагло с ней разговаривал, а теперь врывается в ее апартаменты, как к себе домой. Что за наглец!

Ей нравились мужчины, которые берут инициативу на себя, однако она ненавидела хамов. Игоря она отнесла именно к такой категории. Он ей нравился, но Алла не собиралась терпеть подобного обращения с собой.

Она сидела в тот момент около большого зеркала и изучала собственную внешность. Пока что Алла была довольна. Хотя нет, гусиные лапки вокруг глаз стали чуть резче, глаза припухли. А этот бесцеремонный молодчик врывается к ней и застаёт ее ненакрашенную, в расшитом драконами кимоно, с плохо расчесанными волосами.

– Алла, ты должна мне помочь, – сказал Игорь и плотно закрыл за собой дверь.

– Что за фамильярность! – воскликнула Аллочка, обернувшись к Игорю. Ее глаза метали молнии, она и вправду ужасно разозлилась на него. Как он смеет называть ее по имени да еще тыкать. Кто он и кто она! Пора поговорить с Виктором и объяснить ему, что его помощник, или кто он там, ведет себя нагло. Алла подумала, что она даже может сказать, что Игорь приставал к ней. Тогда его карьере придет конец.

– Не время для церемоний. – Он подошел к Алле, вырвал у нее из руки баночку с кремом и поставил ее с грохотом на туалетный столик.

Алла онемела.

– Если вы не выйдете из моей комнаты, то я позову на помощь. – Она даже испугалась. Игорь никогда бы не стал вести себя с ней таким образом, значит, произошло что-то из ряда вон выходящее. А единственное, что произошло, так это неприятности с Татьяной.

– Не позовешь, – уверенно заявил Игорь, и его глаза блеснули звериной жестокостью.

Алла испытала смешанное чувство – с одной стороны, страх, а с другой... С другой стороны, она вдруг ощутила, что до безумия хочет Игоря, прямо сейчас, в советском посольстве, в нескольких метрах от кабинета мужа.

Когда Аллочка Черныгина выходила замуж за Виктора Полесского, она понимала: придется ради удачного брака поступиться многим, в том числе и бурной сексуальной жизнью. Алла любила все экстремальное, и секс не был исключением. Виктор Викторович, которому уже пошел шестой десяток, довольствовался одним разом в неделю, иногда, если у него было много работы и он уставал, они неделями не были вместе, а после того как он получил назначение в княжество, Алла вообще осталась обделенной в интимном плане.

Впрочем, она не отказывала себе в маленьких удовольствиях. Ни к чему не обязывающие интрижки Алла не считала изменой. Конечно, Виктор не должен об этом знать. На Татьяну в этом отношении Алла не обращала особого внимания. Падчерица ничего не расскажет отцу, а

если и расскажет, то у Аллы были заготовлены правдоподобные отговорки. Мужем она умеет управлять.

И вот теперь, оказавшись наедине с Игорем, Алла ощутила внезапный прилив страсти. Ее возбуждало и то, что муж совсем рядом. Но она не самоубийца, совсем не дура и прагматична до мозга костей.

Игорь рывком развернул ее к себе лицом, Аллочка даже не пискнула. Он наклонился к ней и медленно произнес:

– Ты должна мне помочь. Ты обязана мне помочь. Учти, ты помогаешь не конкретно мне, а тем, кто за мной стоит. Татьяна попала в настоящую переделку. Ей грозит долгий тюремный срок, возможно, даже пожизненное заключение.

Алла сама себе удивлялась: она могла закричать, но не сделала этого. Игорь словно загипнотизировал ее. Она поддалась его чарам, или то, о чем он говорил, было ей как бальзам на израненную душу.

– Но почему? – произнесла она. – Она ничего не сделала...

– Ты-то откуда знаешь, – сказал Игорь еще тише. – Запомни, поступишь, как я скажу, то я помогу твоему мужу. Если не сумеешь сделать то, что мне надо, то через несколько часов окажешься по уши в дерьме. Татьяну обвиняют в шпионаже, у нее нашли микрочип с абсолютно незаконно сделанными фотографиями. Операцию разработали американцы, ЦРУ и ФБР, а значит, девчонке уже не помочь. Наверху, ты понимаешь, о ком я...

Он замолчал, и Алла кивнула. Вот теперь Аллочке на самом деле стало страшно. Это политический скандал, причем в нем замешаны такие важные персоны, чьи имена вслух не произносятся.

– Раз ей не помочь, то наша задача выкарабкаться из всего этого с минимальными потерями, ты ведь согласна? Тебе тоже есть что терять. Девчонка – дочь Полесского. Полесский – твой муж и посол в Бертроне. Скандал приведет к тому, что его снимут.

– Как, – пролепетала Аллочка. – Витю не могут снять, его только назначили...

Игорь рассмеялся, и Аллочку поразил его смех – резкий, неприятный и бездушный. Но ведь именно о таком мужчине она мечтает. Аллочка со злобой вспомнила, какие нежные взгляды бросала ее падчерица на Игоря. Он ей тоже приглянулся. Соплячка, что она о себе возомнила.

– Очень просто, – ответил Игорь. – Скандал раскрутится будь здоров, тут будет замешана и Америка, и Союз, и вся Европа. Твой супруг несет ответственность за наши интересы в княжестве. Он не сможет остаться послом после того, как его дочь попалась.

Аллочка чуть не разрыдалась. Какой ужас! Все ее планы рухнули в один момент. Татьяна, эта мерзавка, разрушила все ее мечты.

– Но не беспокойся, твой муж получит неплохое место в Союзе. А для этого надо, чтобы он не рыпался. Пусть забудет о Татьяне. Никаких заявлений, никаких глупостей. А то он может наломать дров.

Еще бы, Алла изучила Полесского достаточно хорошо. Не дай бог, если он попытается обратиться к широкой общественности или поедет к Татьяне в тюрьму.

– Ты повлияешь на него, – сказал Игорь и сжал ее локоть. – Москву он может и не послушать, а вот ты – его любимая жена. Запомнила? Пусть ведет себя как разумный человек, а не как истеричная баба, а то он уже пытался угрожать кое-кому в столице.

Алла тяжело вздохнула. Виктор слишком любит Татьяну, и она никак не может истребить его любовь.

– Но что я ему скажу? – пролепетала Алла. Она на самом деле не знала, как ей убедить мужа не лезть в смертельный для него и, таким образом, для нее самой водоворот политических интриг и государственных интересов.

– Это твое дело, поломай голову над этим, Алла. – Игорь провел пальцем по ее щеке, и Алла почувствовала, что едва сдерживается.

– И тогда мы подумаем о нас, – проговорил Игорь и поцеловал ее. Алла совсем не сопротивлялась.

Теперь, элегантно одетая, уверенная в себе и разработавшая грандиозный план, Аллочка стояла около Полесского. Какой же он старый, подумала она, и перспектив у него уже никаких нет. Он – разыгранная карта. А она не нуждается в проигравших, ее удел – всегда победа. Всегда.

Ее задача – избежать серьезных для себя последствий. Кому она станет нужна, кто будет обеспечивать ее шикарную жизнь, к которой она успела привыкнуть, если Виктор вступит в конфликт с Москвой. Он обязан подчиняться тому, что выгодно ей.

– Витя, что ты собираешься предпринять? – спросила она.

Виктор Викторович поднял голову и произнес, глядя в стену:

– Я пойду на все, Алла, чтобы вызволить мою девочку. Я знаю, что разведслужбы затеяли игру, Таню подставили. Хлыщ Игорь имеет к этому самое непосредственное отношение.

Алла почувствовала, как по ее спине пробежал холодок. Виктор настроен решительно, даже слишком решительно. Она еще никогда не слышала от него слов, полных такой уверенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.